

СМЕНА

№ 17-18

СЕНТЯБРЬ

1932

ИЗДАНИЕ «МОЛСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

Рейта стали замечать, что штурвалый Новички плохо работает на своем комбайне. Новички не умеет штурвалить на поворотах, много брал хером, часто у него завалился барабан. Бригада решила помочь парню и овладели техникой управления. Приехали к Новичкому более квалифицированного парня. Сам бригадир целыми сменами не отходил от Новичкого, показывал, как надо правильно штурвалить. В результате Новички сейчас хороший штурвалый. Таким же образом овладеи техникой трактора «Катериллер» тракторист Давыдов, который соревнуется с

трактористом другой смены Васильевым.

В чьей же бригаде происходит также дела?

В бригаде комсомольского агрегата № 3 третьего отделения Учебно-опытного зерносовхоза № 2 им Северном Кавказе. Бригадир—комсомолец Давыльченко.

Вот что написал Давыльченко на грязном клочке бумаги в обеленный перерыв: «16-го, имея задание в 14,8 гера, мы выполнили 15 га, сдав 6 кг. зерна, сэкономив 4 килограмма горючего. Задание выполнили на 101А проц...»

На снимке—уборка хлеба сноповальками в зерносовхозе.

На черной доске крупно выведена фамилия комсомольца Овешко. За что комсомольцы шестого отделения Учебно-опытного зерносовхоза клеивают доску Овешко? (Он плохо боролся за точный учет зерна. Будучи поставлен на пост старшего контролера, он не внес в ведомость накладную № 6223 при отпарке зерна 17 июля. И 35 центнеров зерна не были учтены. А ведь комсомольцы шестого отделения принимают участие в ярком хлебном соревновании.)

Только точным учетом можно предотвратить хищения зерна. Эта задача с одновальной остроотой стоит и перед совхозами, и перед колхозами.

На снимке—комсомольцы Шелепановской сельхозартели Московской области завешивают зерно после обмола.

Этот тонкий стебель, унизанный зелеными кружальками, требует к себе величайшего внимания. Теребление, сушка и уборка льна—дело не простое.

При дальнейших процессах обработки льна требуется умение пользоваться специальными машинными

Эдди, Гельштейна и т. д. Комсомол Белоруссии и Западной области проводит большую работу в области льнозаводов. Мобили-

зованы и научные силы. По инициативе комсомольцев научные работники Лыской зональной станции в Горках разработали правила работы со льном, которые опубликованы в комсомольской прессе. Эти правила теперь доводятся до каждого молодого колхозника.

На снимке—лучшая молодежная бригада по уборке льна т. Тарановой.

Красное знамя полочет над темными потными спинами лошадей, промасленными сетками и сестрами рубашками людей. Тяжелый скрип плынет деревенской дорогой. Колхозники Голобовского колхоза им. Сталина (ЦХО) везут хлеб нового урожая на сыпальную пункт. Первыми и красней овоз стали комсомольцы этого колхоза. Они не только подали личный пример, но и завербовали каждый по двести полнов.

За молодежью пошла вся беспартийная часть колхоза.

Красные овозы организуются в ряде районов по инициативе деревенских комсомольцев.

Комсомольцы Муковичского колхоза Клетского района развезли красней овоз в 50 полнов, варницкие колхозники таким же порядком сдали на колхозинский сыпальную пункт 110 центнеров.

На снимке—молодые колхозники Голобовского колхоза им. Сталина в красном овозе.

В квадратике на первой полосе «Правды» стоит цифра «60». Это значит: сегодня с комбайнера московского автогиганта им. Сталина сошло шестьдесят грузовых машин. Ниже в квадратике стоит цифра «40». Это значит: в пятистах километрах от «АМО» в Иваново с комбайнера автогиганта им. Молотова сошло сорок машин. Два гиганта соревнуются. Комсомольцы обо-

их заводов заключили договор на лучшее выполнение боевой производственной программы. Хлебные поля совхозов и колхозов ждут грузовиков. Хлеб должен быть убран и доставлен на элеваторы и склады пункты в минимальные сроки! Огромное значение приобретает моторизация сельскохозяйственного транспорта. «Комсомольская правда»—арбитр сорев-

нования комсомольских организаций обеих автозаводов—результ, что оказался передовым борцом на этом важнейшем участке пятилетки.

На снимке—машин, снятые с комбайнера удорванки автозавода им. Сталина, прибываюи в зерносовхоз «Серп и молот» Нижневолжского края для перевозки хлеба нового урожая.

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Название "Менс, арбади"

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 4-51-54

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<u>Рассказы и очерки</u>	
М. ГОРЬКИЙ	
Буревестник	4
С. КЭМРАД	
Революционный привет	5
И. ГРУЗДЕВ	
М. Горький и Нижегородская выставка 1896 г.	6
Я. ИЛЬИН	
М. тошкин недоумен	10
А. ВОРОНЦОВ	
Бетховен на площади	14
СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ	
Завод-кропот	16
Е. КРИГЕР	
Организатор мира	18
А. ПЕТРОВСКИЙ	
Им не будет лошади	21
М. РОЗЕНШЕЛЬД	
Искатели голубого камня	22
ОЛЬНИК	
Писатель И. Бабель в „Смене“	25
М. БЕККЕР	
Друг и опора начинающего писателя	26
М. ГОЛЬДБЕРГ	
Цветы	30
<u>Стихи</u>	
„Завоеванное сегодня“ — стихи группы бывших беспризорных	9
А. ЖИСЛИН	
Товарищ Зет	28
<u>Комсомол на фронте стройки</u> 2	
<u>Творческий смотр молодежной литературы</u>	
Д. ГОЛЬДИН	
Семен гварийца	24
Бытовая консультация	28
Слоны в комсомоле	29
<u>Рисунки:</u>	
В. Брискина, В. Васильева, В. Коновалова, Г. Берендгофа, Б. Пророкова.	

Сорок лет литературной работы Максима Горького — любимого писателя революционной молодежи всего мира

Алексей Максимович на Красной площади

Розенбаум, Малозова,
С. Третьякова и Союзфото.

БУРВЕВЕСТНИК

Рис. В. Брискина

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем
сердце реет бурвестника, черной малины подобный.

То крылом волны насаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и
тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике—жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность
о победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,—стонут, мечутся над морем и на дно его
готовы спрятать уюта свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,—им, гагарам, недоступно наслаждение бит-
вой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...

Только гордый бурвестник реет смело и свободно над седым от пены
морем!

Все мрачной и нисне тучи опускаются над морем, и лютят и рвутся
волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны с ветром спора. Вот охва-

тывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их сразмаха в ди-
кой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Бурвестник с криком реет; черной молнии подобный, как стрела
пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,— гордый, черный демон бури,— и сме-
ется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневле грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уве-
дич, что не скроют тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воеет... Гром грохочет...
Синим пламенем пылают стаи туч над бездной морю. Море ловит
стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вылетя в
море, исчезая, отраженья этих молний...

— Буря! Скорю грянет буря.

Это смелый бурвестник гордо реет между волний над ревущим
гневно морем, то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРИВЕТ

Поклоние, рожденное Октябрем, — мы строило любви Горького. Нет другого писателя, более популярного в массах революционной молодежи — и не только СССР, а буквально всех стран мира, — чем Алексей Максимович.

Комсомолка, библиотечка одного из районных домов комсомола, несколько лет назад на мой вопрос: «Кто больше всех spricht за в Библиотеке?», — удивленно искривила вверх глаза и воскликнула:

— Конечно Горького!

«Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Рома Гордеев», «Жизнь Матвея Кошкикина», «Монах Чудра», «Песня о соколе», «Песня о буревестнике», «Челкаш» и десятки произведений — да ведь это золотой фонд коммунистического воспитания молодежи, это то, на чем мы росли и на чем обязаны учиться десятки новых миллионов строителей бесклассового общества.

Говорят о романтике, спорят вокруг этого термина, опровергают, доказывают. Но посмотрите на Горького, перечитайте снова «Мать» и «Мои университеты» — разве это не наша романтика, разве не вдохновляет нас образ Павла Власова, не зовет ни бой за социальное освобождение бесчисленных страданий и унижений рабочего подрастающего? Это романтика борьбы, романтика, тесно связанная с практикой жизни, не уводящая в сторону от ее обратных сторон, а заставляющая прижаться к ним для того, чтобы их изменить.

Есть люди, которые фырчат при разговоре о Горьком и его произведениях и, отходя вдаль, великому таланту писателя, и то же время ворчат себе под нос: «Старый».

Эти люди пытаются и пытаются доказать, что произведения Горького несовершенны, что они относятся слишком далекому эпохе. Изолты, не помнящие родства, — эти люди зовут скорей забыть тот строй, который мы свергли во имя лучшего будущего.

Нет худших врагов трудящейся молодежи, чем подобные «р-р-революционеры». Они хотят переключить внимание молодежи на будущее, а на деле отвлекают его от настоящего. Ибо на полях исторической борьбы всех прошлых поколений стоим мы в сегодняшней борьбе, и непрерывная эта связь и память о вчерашнем дают нам новые силы для новых боев.

И вот, казалось бы, что общего между женой Катериной торьбой, расположенной в

глубоком польском городишке Фордоне на берегу Вислы, у германской границы, с небольшим каминным домиком в солнечном Сорренто, в нескольких десятках километров от Неаполя, в Италии, где обитал Горький? А между тем это только известие о привете, посланном Алексеем Максимовичем в фашистское узилище, пришло группе пленников капитала силы для новой борьбы, вызвало гигантский взрыв энтузиазма среди десятков политзаключенных и Фордоне комсомолок.

Максим Горький в 1902 г.

В двадцатых числах декабря 1930 г. теплоход «Ахазия», который совершил первый заграничный рейс с премирновскими советскими ударниками, бросил якорь в Неаполитанском заливе.

Двести пятьдесят человек немедленно устремились к борту. И первое, что кидалось в глаза там, на берегу, — была высокая фигура Алексея Максимовича, его ежистые усы и лобная, светлая улыбка. Мы встретились с Горьким, как с самым родным, самым близким. Эта встреча советских рабочих со своим писателем в присутствии шмыривших тут же фашистских шпионов была уже в свое время подробно описана, но ни в какой статье не передать точности, той сердечной теплоты и большой захватывающей радости, которую испытали мы все при этом.

Три дня пробыл мы тогда с Горьким — три дня эти некогда не выйдут из памяти. Особенно тамплет вечер, устроивший в столовой теплохода накануне отплытия из Неаполя. В трех шагах от фашистского берега, на виду у разведчиков в наступившие перлы карабинеров и поруживших до зубов черноробашечников мы пели «Интернационал» — с нами пел Горький, с нами пел советский полпред в Италии Курский и молча, одним только движением губ, пел и на берегу грузинки.

За многие тысячелетия своего существования не слышали должно быть воды Неаполитанского залива такого пения. А когда замолкли последние торжественные звуки гимна, выступило вперед несколько бесстрашных ударников, старших производственников, и заняло о своем вступлении в партию.

В этот момент мы впервые увидели слезы на глазах у Горького — крупные чистые слезы ра-

дости, большого непередаваемого восторга. В этот момент мы сильнее всего почувствовали исключительную связь Горького с рабочим классом, с большевистской партией — связь, о которой самое лучшее сказать словами: «плоть от плоти и кровь от крови».

Но вернемся к Фордону. Здесь, в глухих стенах, вдали от мира, в душной сырых торных камерах, томится группа польских комсомолок. Я часто пишу им письма. И отсюда, из Неаполя, после радостного свидания с Горьким, также захотелось написать письмо, поднести нахлынувшими чувствами, рассказать все виденное и слышанное.

Письмо уже было готово и на конверт наклеена марка, когда пришла в голову мысль: подойти к Алексею Максимовичу, попросить его написать несколько строк. Какую это радость доставит политзаключенным, как ободрит и поддержит их!

Алексей Максимович был тут, в столовой. Он внимательно выслушал просьбу. Рука его потонула к перу — и вот на письме ровные, четкими строчками появляется приписка:

«Примите, товарищам дорогие, и мой сердечный привет. Максим Горький».

Вскоре в Фордоне узнали о посланном Горьким привете. Какую бурю восторга вызвало это известие! «Нам Горький с нами!» — воскликнула пленница польского фашизма. И, ободренные ласковым приветом Горького, они почувствовали, как сильнее бьется пульс в их почти обессиленных жилах, они возбудились этим приветом для новых упорных схваток со всеми тюремщиками.

Ныне трудящиеся всего мира празднуют сороклетие литературной деятельности Горького. Вместе с ним горничный сердечный привет! Алексею Максимовичу шлет в этот день десятки тысяч борцов международной пролетарской революции, временно плененных капиталом; в фашистских застенках, лишившие единственно го утешения в тюрьме — книги, они помнят и любят его, буревестника Октября, лучшего ударника мировой пролетарской литературы.

Максим Горький беседует с б. т. Микояном и Ворошиловым

НИЖНИЙ И НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА 1896 ГОДА*

В Нижнем-Новгороде готовилось торжество. Русский промышленный капитал, руководимый С. Ю. Витте, делал свой шаг вперед. На языке заслуженных речей это формулировалось так: «Создать император по невенчанной милости своей дарованную Нижегородскую Промышленную Выставку».

То были «медовые» годы еще небольшого в России промышленного подъема. Перспектив, казалось, было много радужных. Поэтому и тогда в газетах и иных речах был умиленный и торжественный. После закладки выставки на завтраке, устроенном губернатором генералом Барановым, представитель министерства финансов говорил: «Господи! министр ожидает, что Всероссийская Выставка в Нижнем-Новгороде покажет, как далеко ушла русская промышленность... Рост фабрично-заводской промышленности подвигнет спрос на труд, от избытка которого страдает Россия». Это была ирония правды. Нишами в тисках помещичьско-помещичьего прессы деревня интенсивно выбрасывала из своих недр свободу, т. е. изливала рабочую силу, подталкивая новым формам эксплуатации по старым феодальским методам. Словом, как выразился местный поэт на губербском завтраке:

Слава знанию и науке
И, мозолитесь руки,
Честь нам и хвала!

Так гостеприимно встречали хищники нужные им мозолитесь руки.

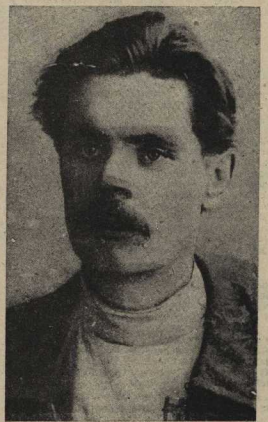
Нижнему предстояло использовать выпавшую ему удачу. И Нижний усматривало готовился. Ударя заказавшая в Москве «Новые изобретения» пролетки, домовладельцы нахлывали цены на квартиры, подрядчики исправляли пад на горячую руку субсидии. Строящийся окружной суд успешно приспособился для помещения в нем ордена почетных почтовых агентов, в том числе фельдшера, но вполне запретная. Соотрудники трамвая и электрическое освещение, что было уже не шуткой для провинциального города 90-х годов. Не шуткой, пожалуй, было и учреждение окружного отделения «Примеру столицы». Одна поволжская газета сообщила об этом с приторным протестом: «Персонал служащих в охранном отделении очень велик, и часть его уже вышла за пределы в нижегородской почтовой конторе. Другим служащим охранного отделения поручено надзор за квартирами и образом жизни большинства нижегородских обывателей».

Газета «Нижегородский листок» не могла остаться в стороне от общего движения. Не так давно она преобразовалась по тому же способу, какой характер имел для многих провинциальных газет того времени: из бесчисленного обилия «листочков», «листочков» и «справок» она превратилась в газету с направлением, т. е. получила право писать не только о делах местного городского хозяйства, но и о делах общегосударственных, с некоторой долей критики. Для редколлегия провинциальной газеты того времени это было большим «достижением», до такого разрешения она не могла помешать статьи по общим вопросам. И не считая, в частности, например, переписка еврейских событий, соответствующих тому или иному церковному празднику.

Итак, «Нижегородский листок» тоже готовился. Он открыл особую подписку на время выставки и объявил новый список лиц, приглашенных и сотрудничавших с «листочком»: К. К. Арсеньев, В. А. Гольцев, И. И. Иванов, Н. К. Михайловский, К. Станюкович, А. П. Чехов, С. И. Южаков. Впрочем эти блестящие по тогдашнему времени имена так и остались только «украшением» газеты, т. е. чистейшей фикцией. Другое дело — Горький. Он был вызван из Самары не для «украшения», а в качестве газетного работника с полугодовым сроком.

Новая перемена города и газеты поставила и новые задачи перед Горьким как публицистом. Прежде всего расширяться круг тем. Пыль на самарских улицах, слышание гласных, кулинария, торжественная, «садура» служба канцеляристов — все эти разнообразные работы, «забытые» самарской жизнью остались позади. В центре нижегородской жизни стояла «Всероссийская» выставка, и это ставило на очередь ряд

вопросов культурного и социального развития страны. Газета Нижнего в связи с выставкой приобретает значение одной из виднейших областных газет. Все это ставило новые принципы фельетона и меняло сам стиль письма. Упрямый залор Игуданга Хамиди, вызывая

Максим Горький в 1896 г.

двойной горю жалобы Дробышевского, неодоление Коренью, сигналы Ашевского, смеющиеся сплочки подпольским тоном, вызывающая «самарская фраза», которую Хамиди бичевал «самарских обывателей, исчезает, и фельетоны Горького все более приближаются по стилю к форме статьи.

Натурдо разгадал, однако в этих ослепленных статьях все тот же упрямый скептицизм и все ту же острую вражду к купеческо-мещанскому классовому быту, который он видит все таким же первобытным и диким. Никакие торжества и флаги не замаскируют этой дикости.

«Я приехал в Нижний,—пишет он в первом же своем выступлении,—и на меня, нижегородец, знающего город, как свои пять пальцев, он проявляет странное впечатление чуждоты, которая еще год назад совершенно не была ему свойственна, новыми зданиями, скверами, сетью прозоров, опутывающих его главные улицы, по которым проложена линия электрической железной дороги и всей своей физиономией безобразной, чистенько умытой, утопающей в смешанном аромате свежерастворенной известки, асфальта, масляной краски и конечно карболки».

И немалую вспоминаются наши «воляг», люди его старой веры, багачественные, сытые, жемане; люди, вращающиеся сотнями тысяч, имеющие десятки барж и пароходов и обильные свои рабочих на двугривенные; люди, от которых в будни пахнет дегтем, потом и кислой капустой и которые, надевая на себя в торжественных случаях вместо долготолстых курток и поддевок «шпильные» пальто, и в шпильном пальто остаются кулаками и скользящей яростной душой Аткинсона отдают сардечничеством, кислой капустой, потом, нефтью и всеми другими специфическими запахами ихстых вагонов».

Работать покаяние и, вскрывая существовавший метод Горький остался верен и описаниям выставки. Готовилась эта выставка

в атмосфере угольного казенного шафоса и расторопного ур-патриотизма. Еще до открытия ее патристические корреспонденты являлись в Нижний, чтобы дать читателям отчет о своих впечатлениях. Вот например, как подобострастно писал А. В. Амдттерман, через несколько лет ставший котичаным радикалом:

«Славу откровенно: в первый день я решительно не видел ни в чем особенного. Я становлюсь лишь красноту и громадность зрелища. А когда после высочайшего булжания по выставочной территории я остался один в своем номере, глаза на глаза с только что полученными впечатлениями, в голове закружилась великолепный архитектурно-технический хаос... Здесь—луча, но в луче отражаются фантастические беглые купоны мариантовского здания чудной, сном прямо сказать, волшебной красоты, это—средневекованский готический, возмущенный г. Поморанцевым, известным строителем московских торговых рядов... Там—яма, но на дне этой ямы нам показывают какие-то трубы и баша, и сопроводяющий их стеллажи даже кричат от удовольствия: этакое водородное, восхищаются, он, и в живую свою не выдала. Вот безобразная гора строений и деревенского сора, но над горой этой выстроены строения как бы в небесах, это—павильон царского павильона... На золоченом шпине черным перпендикуляром торчит громоотвод—строгий показатель вертикальности шпата, представляющего привидение. Вокруг шпата мых дорожек гостей выставки, священную особу государя императора с высочайшей семью».

Падос это покажется еще забавнее, если взглянуть на фотографии того времени, изображающие выставочные павильоны: это типичная архитектурная тоя вычурной и слащавой манеры, которую наместно именовать «стиль проос» и еромко зная-наших. И нетрудно представить себе «свопленую красоту» сооружений бездарного строителя московских торговых рядов, но еще той безобразности, которую в площад. Во славу Средней Азии он по отчаянному невежеству своему воздвиг павильон в «евразитском», т. е. в арабском стиле.

В «Клеме Самгине» Горький вернулся к Нижегородской выставке. Она дана глазами двух персонажей: Самгина и Инокеня. Самгин улыбается, Инокеня—корректирует его.

Так же и Горький в то время корректировал корреспондентов-патриотов, обращая внимание читателей не на правую сторону дела, а на изъяны ее. Эстетизма эстетизма, а вот руководители работ по своей коммутичательной безалаберности или по дикой жадности не позаботились проложить рельсы для четырехколейных тачек, и таким образом на художественно-производственной выставке предвзвешена и выставлена изуродованный труд рабочих».

Впрочем козлена выставки, русские промышленники, стараясь по одному—перестраивать соседи: выставка являлась в их представлении градивной рекламой фирме. Поэтому основной задачей выставки являлась прежде всего сооружение умопомрачительных витрин, так, которая по возможности затмила и существовала бы не находясь в окружении витрин конкурентов. Детичем их мощной физиономией выставочного зала, на стариковских снесей в два аршина в поперечине и в восемь высотой. Не уступали ей по изобретательности бшсты четырех императоров на мьяа или удивительные ворота из буталок вин трех дюймов, но все же изобретательность витрин, удаляя князь Голдцин, поставивший в своем «эроте» вылодевая статуя Венеры, выходящей из присто. Впечатле зрелища повидному удовлетворяла публику, а в действительности, впрочем, стоить смотреть на разные вещи, но зная из чего, как, даже зачем они делаются, не находишь вужим. Это — специфически русское помявание — газетам, без участия головы. И вот Россия подползла к каждому проходу, ставит вопрос о некультурности самой организации выставки, полностью пренебрегая показом трудовых процессов, а отсюда следовала примечательный переход к вопросам быта и экспозиции работ рабочих».

Обозревая павильоны горных округов Сибири, Горький писал: «Очень хочется знать, что, чем

* Отрывки из монографии «Горький и его время».

и как вытаски на землю эти 10.000 пудов золота и да государству за 30 лет почти 300.000.000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы? Как это это делал и как они при этом работали?

Показывать, как поживают «гномы»-работе, и вовсе не входило в программу организаторов выставки. Поэтому обзорность по своей инициативе я посетил в саду, посетил в саду фабрики и рассказывал читателям о своем личном опыте знакомства с рабочим бытом. Пивной бакнинский промысел Нобеля дает ему повод похвалиться, как «сквернейшим» делом, которое обставило страны нефтяников. Посещение этих промыслов в поисках работы в 1892 г. было ему памятно; по поводу сообщения в рекламной брошюре казанского завода братьев Косовых о больших размерах заработной платы рабочих он писал так: «я видел в 1889 году больших, которых выдвигали из этой больницы, решив превратить их в склад душевного мела. И сплавная есть, и в ней действительно спит рабочий, а не достает!» — добавляет он в другой раз, хотя к этому приняты все меры: спальная полость полна запаха разнородных кислот, гниющего жира, согретой нефти, мела, аммиака и «грустного духа».

В конвейерном заводе Алафузова, также хорошо знакомом Горькому по Казани, он рассказывает читателям: «Я раз в неделю нелегально, работю то и дело болею всякими болезнями от избытка сахара в крови». В рассказе об облоках пыли, стоящих в мастерской, до сибирской язви—результат полного отсутствия гигиены в обработке кожи. Рабочие в чешальне все страдают трахоматозными воспалениями слизистой оболочки глаз—«белая» часть примешивается к слезоте. При заводе нет ничего, что необходимо, ни достаточного количества воздуха в мастерских, ни больницы, но система шпороф удаительно точно разработана, за-

Мир торговцев и фабрикантов, парадировавший на выставке, возбудил у Горького отвращение, но такое же отвращение он испытывал и к миру буржуазной интеллигенции, обществу дающих образованных культурных деятелей, инженеров, адвокатов, выставочных организаторов и патристических журналистов. Возвращаясь не раз к характеристике этого общества, Горький словно не находил достаточно резких слов для того, чтобы выразить его неискренность, лицемерие, алчность...

«Выставка поучительна гораздо более как правдивый показатель несовершенства человеческого знания, чем как картина успехов промышленной техники страны. А впрочем, речь о таких вещах возбуждает скуку у читателей; читатель в газете ищет прежде всего развлечения; усталая его вису на сей раз, поговори о лавочниках, ибо и они могут выказать какой-нибудь смысл жизни так называемой «культурной толпы» ничуть не хуже всего другого, чем живет эта толпа. Ведь она, в сущности, культура не только внешне, ее культура—это культура портных и спонжиков; культура галустка, внутренне же она — стадо, как и всякая другая толпа. Этих культурных людей не в чем винить — это люди, у которых вместо желаний — похоть».

Если мы обратимся к рассказам, над которыми Горький работал в это время, то почти в каждом из них мы встретим отголоски этих же настроений. Вот «Скорпион», рассказ, в котором сатирически изображен либеральный болтуш, редактор провинциальной газеты, работающий на прижимистого купца-патешника; «В степи» — откровенная компания босков протестующих в этом рассказе — типично «порядочного общества», в котором «каждое когда берут за глотку своего ближнего—стараясь сделать это с возможной любовью и соблюдением всех принципов, умственных и дангловых» («Босы» — рассказ о девушке, принадлежащей к «квашней» деушке. В конце рассказа он признает себя самого «глубоко падашим»... в пропасть всяческого самозанятия и убеждения в своем превосходстве).

Еще характернее отступление в рассказе «Конавалов». Речь там идет о невозможности для автора долго жить в «культурном обществе» и не покидать «кутки куца-нибуды из сферы всех творческих индустриальных, заводских, фабричных маленьких заводных дел, из сферы всемирных самолюбив, идеального секвестства, всяческой неискренности... — одним словом, из всей этой охладительной чужеродной, разнородной, сущности». «Всего этого избежать в трущобах городов, где хотя все и грязно, но все так просто и искренно, мы ити гулять по полям и дорогам родины, где всякая любопыт-

но, очень осязатель и не требует никаких средств, кроме хороших, выносливых ног. Лет был тому заведя я предпринял именно такую прогулку... Речь идет здесь об уходе Горького из Нижнего в 1891 г., но посылка «делалась» им впрямую подталкивать сказать, что речь идет и об уходе Горького из Нижнего 1896 года. А в ряде последующих рассказов («Букшиные люди», «Проходивцы», «Товарищи», «Судья», «Ветер», «Ветер», «Ветер») и как вышло Горький отправляется в «трущобы городов» и на «дороги родины», противопоставляя «искренности», «целености» и «простоту» трущобы лищерию и утонченной жестокости «обитателей» городской-оказавшейся. В ряде рассказов («Макар Чудра», «Бесня о Соколе» и «Старуха Изергиль», смеемся здесь Горьким-реалистом, едко анализирующим классовое общество, где глупейшему адепту заправочной станции повелевают поковать утюг и усматривают мешанину.

Уже через месяц после открытия выставки вывеска кассы выставки не требует ее. Впрямую индикатор выставки С. Ю. Витте на обеде, данном в его честь экзотикантами, заявил, что отсутствие на выставке масс его не беспокоит и что «распространенное мнение о мнимом отходе от культуры» — «бредовый материал»; что если бы в течение всего времени выставки на ней побоявало бы с пользой для государства только две с половиной посетителя-промышленника, то выставка, на его взгляд, удалась бы. Горький же, конечно, что это—хорошая мин на при плохой ире,—для удобства десяти заводчиков не стоило тратить 30 — 40 миллионов рублей. Но особенно любопытны были эти высказывания после объявления в «Известиях» о готовящемся «торжестве национального труда», «спражде русской культуры» и т. д.

Как бы то ни было, стали искать виноватых, и нашли их в непатриотической оасти прессы, которая будто бы недостаточна оценила достоинства выставки, что и повлияло на приток посетителей. По этому поводу Горький в завадной форме дал опыт своего анализа причин, почему национальное торжество не привлекло себе нищих.

«Провинциальное посещение выставку и возмущившееся к пенатам, в огорчении на посещение инициаторы и убытки, разделившись, обвиняют друг друга. Сосредоточившись в выволочных полах и кормильцах, очистивших их кармана, кланут и ругают выставку совсем не так, как газеты... Увы! в городе Туйттарканске и в городе Тартарканске не читот «букварей» и «сказок». Из сих городов на выставку едет его степенство Сидор Ермолаев Шкурдеров, он усмотрит в нем нечто глубоко оскорбительное его, а именно: он увидит, что он отстал, он далеко, непомерно далеко отстот от современных блестящих приемов обирация ближнего. Это так глубоко огорчило его, что он ничего не выдал на выставке, кроме своей собственной глупости и глупости, кроме того, что он, Шкурдеров, в деле копачничанья ближних применяет приемы никуда не годные, устаревшие, слишком глупые».

И в огорчении своем, он разносит выставку по ветрам, обвиняет Тартарканске, и ои, поодер слушая его вздохновенные речи, не поедут, ни за какие коврижки не поедут посмотреть на торжество культуры и праздник науки».

То, что этот фельетонный персонаж—Шкурдеров—дал действительно одним из типичных посетителей выставки и что Горький со своей писательской точки зрения очень внимательно присматривался к нему, показавший и позднее воспоминания А. М. Босов: «Мне не известно до этого дня, но совершенно четко вижу пред собой бороздате лица хозяев испоконных, витских, сибирских и всяких других губерний и областей. Визу на я Машинное отделение, которое было в том не сомнения, но оно недовольно, это тоже ясно. Вылаютотся газетно, поменяются неохотно, мурчутся, газетно и даже как будто подальше. Неудачно, потому в Машинное отделение поконден немецкая типографская машина,—кажется, —ней предполагалось печатать издания выставки. Сухоний, отстрободный старикот с безжалостно вездешней галадишкой цыга и в руках — говорит, усмехаясь: «Этого чорта сграхола! А к чему оно? Заведующий отделом обяснит: «Газеты печатать».—«Газеты? Но Дерию-то? Какого же ей печатать?» — «Вот ступай, ступай, ступай, поглядая на окружающих и, видя сопутствующие улыбки, сказала: «Вот куда наложи с нас обивают».—в газету! Ах ты... У него нехватало хитрости, он поджид тубы и гонел

прочь, скрывя новыми сапогами, за ним потащился его единомышленники».

Этой группе предложено было подняться на призывном воздушном шаре. «Благодарствую» — сказал старик и спросил: «А ежели отвянуть пузирь этот—может он до блага взлететь? Не может? Ну, так на кой же пса в небо-то богатеть, как дерево в проруби?»

«Почти каждый раз,—вспоминает Горький,— бывал на выставке, и встречал такого, как этот старичок, организатора мышления и настроений хозяев». Я совершенно уверен, что люди именно этого типа через восемь лет председательства в провинциальных отделах центрального «Союза русского народа».

Таким был средний тип посетителя выставки. Надо полагать, что, несмотря на всю свою политическую благонамеренность, он не входил в расчеты блестящего министра финансов, готового помириться на десяти интересных ему промышленниках. Что же касается остальной «нации», то ее не было, хотя и нельзя сказать, что не было порождено «заботы о ней». Нестро Пороховиных, издатель газеты «Русская жизнь» и проектор, неумогим любознательных каих-то пособий и субсидий, соорудил на эти средства отдал отпетых построек с патристической целью—показать необходимость переделки Руси, из деревяно-соломной, ежегодно погорающей, в Русь глинобитную и нестаревую. Запроектирована была и «народная дружина», которая, «главнобюджетно», должна была отправиться обновлять Русь. Словом, весь этот «главнобюджетный патриотизм», по выражению В. Корolenko, сильно отдала шарлатанство.

Пока что постройки были выставлены для того, чтобы ознакомить с ними народ. «Но на толпу-то ведь нет на выставке,—писал по этому поводу Горький.—Есть публика, но публика разве «народ»? Народ, как всегда, знает своим обязанностями, и у него нет ни средств, ни времени для посещения торжества русской промышленности».

«Мещане» в МХАТ. Первое представление в 1902 г.

Шаг за шагом обследовал Горький шумливую ирмариюную и выставочную территорию. Репортаж его вряд ли можно было назвать «выдержанным»: наряду со спокойными и платными речями цифр и деталями откровенными тоны или иного отдала—художественные зарисовки, сцены ее натуры, фелетоны, памфлет, лирика.

Последнюю статью о выставке Горький повествует в форме эпитиграот: «Смерла мой муз!» Аллегорически изображая историю выставки и ее провала, он полагал, что «теперь, при конце дней, вполне уместно стрипуть у старухи: «Для чего вы здесь, вы здесь, чтобы на земле осынаивать?» «И следуют ей, ушедшим,—писал Горький,— что старуха, умилая она сказать два слова, сказала бы, покочившая облеком:—Не знаю, бетовщик. Дело начальства, родные вы мои!»

ОСЕННИИ СЕВ РАЗВЕРНУЛСЯ ПО ВСЕМУ СОЮЗУ

Молодежь колхоза «Путь к социализму» (Северный Кавказ) развлекается во время обеденного перерыва

Лучшая бригада позарского колхоза (Солнечногорский район) читает статью о хлебозаготовке

ЗАВОЕВАННОЕ СЕГОДНЯ

Е. ХОЛИНА

ТРАКТОРИСТКА

Совхозу «Молодая гвардия»

Боевые слова на плакате
Заслонил рекламины нап.
В этот год перестроит Натя
Не пришлось заработать на хлеб.
И кичуть не покажется странным
Первый снег. И дорога в такси.
Полутьма. Кабинет ресторана
И в глазах—блестящая синь.
Туз-растраскин из рыбного треста
Говорил осторожно слова
О своих загранчных поездках,
О броне и... сильней ценовал.
Ночью позвонил дрозду на плакате,
Ночью возгуд от ветра сопел.
В этот год перестроит Натя
Заработала водос на хлеб.
Не слышали ни жалоб, ни стона
Рабочихих этики,
Не в глазах воронского притона
Не пропала дачная жизнь.
Распелся над городом ветер,
Отдышался трудом паровоз,
А еще через день на рассвете
Повстречал Натюшу совхоз.
Тот же ветер ступил за ограду
И тихонько подкрался суров
К трактористке из лучшей бригады
По ремонту больных тракторов.

ГЕОРГИЙ МУРАВЬЕВ

ИННВИЗИТОРАМ

Снова газеты
Западных наций
Стреляют «лигу»
Из провокации
И в миллионкратном темпе
Орут, задыхаясь, про «жуткий деминг»,
Габель пра-чужествен, дико орут:
«Там, в СССР, принудительный труд!»
«Там, мол, людей на лесной заготовке
Голья рубить заставляют в мороз!»
«Там, мол, работают из-под винтовки,
Вешают всех не идущих в колхоз».
Подлая вымыслы
...тех, кто в Европе,
Пот человеческий в сафры слил,
Сжатые кризисом страны торолот:
«Блокаду Советам!». Блокаду. Разрыв...»
Что ж вы молчите, культурные люди,
Когда вылезает из душишек груди,
Когда в дебризнах, развед донага,
Допрос начинаст каблук сапога?..
Когда умирают, но вытерпеть муч,
Когда попусту тухлеют бамбук?
Иль вы не видите зеркала энциклопидий,
Польские села запихивших инвизиций,
Нет! Вы—за пытки былых инвизиций,
Вы возвращались в средневековью!
...Пад на свиром
Газетных колодезев,
В штабах, над картами
Ряд полководцев
Тужится тщетно
Найти у страны «
Пунит узлышки
К ищущу войны».
Что и? Захватите
Войну истребленья.
Мы на удар
Приготовим удар!
Эта последняя
Из последних—
Мир развретит
В гражданский пожар!

В этом номере «Смена» снова помещает станицку проваленной литературы бывших безработных «Вчера и сегодня». Наша группа все время держит тесную связь с Алексеем Максимовичем. Горький любовно отнесся к теоретикам наших ребят и помол многим из нас выйти в люди.

В прошлом году (№ 1 за 1931 г.) была помещена станицка авторов первого альманаха «Вчера и сегодня». Этот альманах сейчас переиздается на иностранном языке. Второй альманах, который готовится к выходу к XV годовщине Октября, одновременно с русским наложением пойдет на немецком, французском и английских языках.

В то время, как на Западе в связи с кризисом растут преступность и безработица, в Советском союзе бывшие преступники и безработники подхватывают «путьки в жизнь» и сами рассказывают про это правдивей и полней, чем картина «Путьки в жизнь». Ведь у нас не только маленькие безработники, но и законченные правонарушители («жизники») становятся идейными рабочими.

Во втором альманахе «Вчера и сегодня» существует много новых авторов, и является поворот от тех прошлого, от личных переживаний к актуальным темам советской литературы. На правые партии о создании манюстроров литературы мы отвечаем на революционки, а художественные произведениями.

Обо всех авторах группы можно сказать, что они крепки и растут, учатся и работают в области стиха и прозы. Горький для нас—живой пример, любимейший учитель. Мы отдадим все свои силы на то дело, на которое берется воле жизни Алексей Максимович,—дело рабочего класса.

П. ЖЕЛЕЗНОВ

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

ДРУГУ ПО ОБЩЕНИИ

В общезнать—беспорядок,
В общезнать—теснота,
Наши койки чуть не рядом—
Чуть рукою не достать.
Ты глядишь угрюмым старцем,
Что, браток, в твоей старости?
Отчего ты мучишь пальцы
Перепонками тоски...
Написал редактор едво
На стихах твоих «отказ»,
И тасю грудищу клетку
Перепонки тоски...
Ты пь, рабочий, свойский пареня
Захандрил от неудач,
Словно байронствующий барин,
Словно признанный слотач?
Брось, братишка! Ты ады-молод!
Нравом кажется не трус—
Покажи себя веселым,
На кондузу советский вуз!
Нам с тобой не пристало
Даже в мыслях в петлю лезть,
Перед нами жизнь густая,
Изданы шумит, как снежок пас...
Так давай с другим риском
Прорубайся снегом года,
Чтоб пропал и беспорядок,
И обидя—теснота!

Максим Горький в пионерском лагере под Москвою

ГЕОРГИЙ ВОЛЫНЦ

ПИСЬМО ИДЕТ ЗА ГРАНИЦУ

Ты теперь не приносишь усталость в плечах,
Не приходящий в рухляк пропотанной потом...
Ты сидишь без работы сейчас,
Боб и Ман сидят без работы.
За оном все та же машины проходят,
Полосник стоит с лицом безработным.
И сейчас, я знаю, по улицам бродят
Миллионы таких же, как вы, безработных.
И вы знали: уволен был Бить,
С завода был выгнан, как вы, за ворота.
Я тоже, друзья,
Безработный был,
Но сейчас наплеваю имену работу,
И мне сейчас совсем хорошо—
Через чужой
Моя радость пьет
Наждный у нас работу нашел,
И согнаны еще работа найдется.
Но я на хачу,

Разбавались чтоб
Вашу
Из вашей страны по свету,
Я не хочу, чтоб уехал Боб,
И тебе уезжать не советую.
Из страны, где надежда нить
Пропитана вашей кровью и потом,
Вам
Из этой страны уходить
В другую страну
искать работы!

Все, что там есть, надо порохом выжечь,
Разгромить этот мир
Разбавь и лжи!
Их надо взять,
Из них надо выжать
За счет голода вашего
Соплепный жир!

МИТРОХИН И НЕДОРОЖЖЕ

Рассказ*

Филипп Петрович четвертый день не ходил на работу. Он заявил, что не выйдет до тех пор, пока не разберут его дело. Его уговаривали, но он стоял, что никогда прогульщиком не был и что его толкают на прогул.

Завлекая Филиппа Петровича в замок по потере; отношение начальника производственной к директору завода о деле Артамонова задержал упрямый записки все секретер партолектива Маркуса в коммунхозе остался лежать в папке срочных дел на столе у замкоммунхоза.

Одному к концу месяца замкоммунхозом товарищ Боровой устранил чистку в папке срочных дел и выраспал все устаревшие бумажки; все же месяц он так был занят приемом посетителей, что, прочитав эти записки, успевал только вложить их в ту или иную папку и тут же забывая, в какую папку какие записки сунул. Принять меры по этим бумагам он рассчитывал в свободное от посетителей часа, но поток посетителей не уменьшился ни утром, ни к вечеру, и записки так и оставались лежать по папкам.

Потери терпение, Артамонов валя расчет и пошел к директору жаловаться.

«Дело его состояло вот в чем».

Получив ордер на веселение и новый дом, он с вечера перенес туда вещи, пересела ночь и на утро пошел на работу. В доме было пока еще всего трое или четверо жильцов — все в разных этажах. Комнату Артамонов запер на ключ да еще привалил колыма и навесил на них замок с сувальды. Вечером он застал свои вещи в коридоре. Замок с двери был снят. На стук в дверь вышел незнакомый форзастый парень в наивнешних сапогах; сине-белая в полоску шарф окутал его шею.

«Что надо?» — спросил он, оглядывая старика смеющимися, несколько замученными голубыми глазами. Лицо его было припухло и красновато. Волосы были, одна прядь была подкручена кверху. От него несло водкой, но держалась он на ногах твердо. Сзади за ним слышался голос. Кто-то в глубине комнаты громко выругался и крикнул:

— Лева! Гони их там — чего разговаривать...

В начале нева Митрохин затеял собственное дело

— Вещи мои кто амбарно? Самовольно? Замкнуто?

— Потихи, папаша, — вриваюсь, ответил парень, — не кричи на меня — и первый...

Прислышавшись к дверному дощечку, он пошел в карман за напирасами.

— Закурить не желаете? — предлагала он Артамонову, протягивая коробку. — Нет? Как звать?

Постучав напирасой по коробке, он закурил сам; затнувшись, он выдохнул дым через нос и рот одновременно. Артамонов, непроизвольно и бесцельно отмахиваясь от дыма, вынул из сумки ведро, дощечку какой естествовед. Один чемодан был раскрыт, вывалился откуда фотографии — Артамонов с женой — валялся вместе с блокнотом от бритвенного прибора. Одежда и все постель были скопаны; ни вологоте были видны следы ног.

— Отвечай, отвечать кто мне за это будет? — крикнул старик, срываясь с головы — ты что такой будешь, дощечку какой естествовед?

Сидя еще не первый, что все это случилось в действительности — вещи его лежали на полу, вывалившийся стоял в дверях его комнаты и дышал ему прямо в лицо. — Неужели ему ордер на мой комнату дан? Все одно подождать должен был — горько думал он, топчась у вещи.

Филипп Петрович был человек тихий и обходительный. Он даже в пьяном виде не любил драться. «Человек шлет в свое удовольствие», — рассуждал он. — Зачем же драться? Стоявший перед ним парень, как определял он, был несомненно заводилой. «Кто-то решил он — с ним свяжешься, а он тебя финюет». Он знаком был по Питеру с этой породой людей и не знал, что ему предпринять. Обида дувшая его, — больше всего оскорбляла его спокойный тон пареня и сапогах. «Да я бы тебя...» — думал он, сжимая кулаки.

— Я, папаша, ударили, — равнодушно и видимо смущая, говорил парень. — Преминорированной советской властью ударили Алексея Митрохина. Отвиство мое, ежели желательна мне знать, Кавитонову. Папашу, значит, Кавитоню звали. — Он сплюнул и погнался округом о косик двери. — А мамашу... Петь, — не оборачиваясь, крикнул в комнату, — мамашу мое не поинишь, как звать?..

В комнате разноголосо замесился. Из-за стены Митрохина показало несколько пьяных лиц. Они разглядывали старика, как какого-то чудного и удивительного зверя.

— Ты знаешь Лешу не тронь, у него мать —

женщина — ослабил устатый рот, сказал один из них.

Старку Артамонову хотелось и плакать, и кинуться на них, и бить их пьяные морды. — Стоять, — сказала она ему и сама удивилась, как это у него дрожаще и бесцельно вышло. — Столочи, — сказала он громче. — Я управу на вас найду!

— Иди, иди, — не глядя на него, сказал Митрохин Петь, как это в писании скалают.

— Таи и сматывай!

Все опять захохотали.

На виду у всех дрожащими руками Артамонов отделился от двери, давистого спириси:

— Помочи, кто ли?

Прежде, чем старик успел ответить, он мигнул своим. Те кинулись к старнику и, подхватив его вместе с вещами, снесли вниз к подъезду; дорогой они продолжали трюнить над ним. Его опустили вместе с вещами посреди немощевой улицы, в дорожную пыль. Старик сидел поверх своих вещей, ноги его задувались в одежде. Накупав в раскормотанное чепеиде большого французский ключ и отбрасывая совпешее с ногам одеяло, Артамонов принаста; дрожа и запинаясь, он истерически крикнул:

— Ответиши мне, вот! Ответиши мне вот за это! Гад ты, вот кто ты такой... гад!

Рука его, сжимая французский ключ, бесцельно и жалко тряслась.

II

Алексей Митрохин до революции работал в мясныхках у польского купца Кучумова в москвитинской лавке. В 17-м году он пошел за серами.

Три года — 17-го по 20-й — он пропал неизвестно где. Те, кто близко знал его, говорили, что он гулял с «не женщинами», где-то не то на Хопре, не то на Волге. Вернувшись в Вольск, Митрохин поступил приказником в кооперативный магазин; в 1921 г., в начале июля, вместе с зтем стал делить дело? Он затеял свое собственное дело в Вольске.

Он торговал кожейными изделиями, кожей, хомутиками, красками. Дело шло неплохо. Он подумывал, не жениться ли ему, не завести ли себе стадо скотины? Он даже приставлял невесту и ларь на рынке — какой получше.

Но осеяно при расчете с кучумовским зтем они обвинили друг друга в утайке компанейских сумм. В споры Митрохин окремал и вышел из торговой компании голову. Описав суд и наказания, он бежал из Вольска, не успев даже передать никому своих товаров.

Месяца через два в Саратов он получил известие от первых людей, что его продолжают разыскивать. Кучумовский зте, «хотя и не помер, но ума репеший, стал совсем как малое дитя» — под себя ходит... Возвращаться в Вольск было нельзя.

За шесть лет Митрохин сменил несколько профессий. Он снова нитался торговать, на этот раз без компаньонов. Делал шил медвежьих — ковалитинских — много, делал сапоги, ему надоело торчать на рынке. Тогда он завладел в торговый флот, изменил свою фамилию (настоящая его фамилия была Трофимов, а имя Гавриил) и скрыл, что торговал на рынке. Делать он обучил Азана, взривура жаску Одессой и Владивостоком. Бросил морское дело, он пошел в ситетоводы, — два года просидел в конторе анитанного вольского доборадера, сям Хальманис. В 27-м году он пошел торговать, потом перешел в Серабков. Там проворовался и был осужден на полгода принудительных работ. По окончании принудительных, готовившихся к месту бирже, еще после его прихода, волею его сколотилась группа, годящая вместе с ним итти на вое.

Митрохин работал вначале ленино и медлительно. Но покоряясь — это было неслыханно даже ему самому — на него находило какое-то необыкновенное усердие. Он работал, как отла-

Филипп Петрович был человек тихий и обходительный

Артамонов, все еще не собравшийся с мыслями, как бы не понимавший, что произошло, услышав голос из-за двери, очутился вырвавшись в свою очередь на скватри парня за руку, замахался, закричал.

* Фантастический отрывок из новой книги Я. Илина.

На стук в дверь вышел невысокий форсистой парень

венный! — кричал на всех, подогнал, бранился, его охватывал ритм работы, и он в день выполнял двойное, а то и тройное против плана задание. В такие минуты он не терпел осуждений. Петька, его лучший друг на стройке, поплывался двумя передними зубами, попробовав однажды выместить его в такой суверенный день.

Это-то и создало у нем на стройке двойственное мнение. Одни десятники говорили, что он отчаянный работник, хударик на все сто, другие же, как десятник Болдырев, считали его первым лодырем.

В бараке, где жил Митрохин с друзьями, было оченьлюдно. В бараке у Митрохина были свои заборы. Однажды он поймал кошку, обидел ее керосином и водкой. Кошка бешено прыгала по барaku, с нее падали огненные капли, след дыма с запахом гаря, как хвост кометы, оставался за нею в воздухе. Она кидалась на постели, на людей, на окна и двери. Прыжки ее были невероятны. Испуганные люди били ее чем пошло, нападывая тряпкой на те места постелей, куда прыгала кошка, убежали от нее к двери. Но в дясера стога Митрохин со своей компанией. Из барака они не выпускали никого.

— Ладно, ладно! — говорил Митрохин, смеясь, шаркающимся к дверям людям. — Швеции поганые не горюши!

Один из жильцов барака хотел убить кошку, уже ослепшую, ломом; она дымилась, отчаянно и горько мяукала. Митрохин вырвал из его рук лом.

— Не трожь! — крикнул он. — Не твоё дело! Кошка из последних сил сделала прыжок.

— В цирке таково не увидишь! — сказала Митрохин.

Столик, который задела кошка, опрокинулся; на нем лежали книги; и столик и книги охватили пламя.

— Самою б тебя подпальи! — крикнула один из явнущих в бараке.

— Папи! — сказал Митрохин и, подойдя к нему, протянул спички и бутылку с керосином. — Папи, чего ж робеешь?

Однажды ночью Митрохин привалялся к лежакам человек двенадцать. Когда в бараке стали просыпаться, он сел на табуретку и медленно и заучительно стал вставать их: не прогнупать и не опоздать на работу.

Лежанки трещали, связанные люди ругались и упрямивши освободить их, верхеки впились им в тело.

Иногда же на Митрохина в бараке находили тишость и благость; вдруг он становился весел, привливал, замечательно рассказывал о своих похождениях. Бывало весь барак—40 человек— сидят вечером, а Митрохин рассказывает, и как лодько кончит, его просят еще и еще. Но исторное его вдруг изменялось. Он снова начинал панинать, издеваться над своими сожителями.

Однажды перед началом своих рассказов он съязвил несколько табуреток столпирным клеєю. Люди, усевшиеся на эти табуретки, к концу митрохинских рассказов никак не могли отор-

ваться от сидения. Табуретки поднимались вместе с ними и болтались свяди. Их пробаован отодвигать за лодья—трещали брочны. У одного вырвали из броч огромный клоч материи.

Те, кто не пострадал от митрохинской затеи, шаркавались от смеха. Возле с табуретками продолжался дождь. Наконец Митрохин деловито и серьезно предложил приклеившимся вылезти из броч и потом отмыть их от сидений киятком.

Люди раздевались на галвек у всего барака; сбросившая задушенные брочы с приклеившимися к ним табуретками, они прыгали на одной ноге в грязном исподнем белье; Митрохин же организованно шумной оркестр: на жестянках, ведрах, гресбенках табуретках играли дети, друзья и целы свядебные и похоронные песни. Как ни забавлялся Митрохин, он все же чувствовал себя неспокойным. Он и сам не знал, чего он хочет. Он считал послышав для себя работать от брочы посаженным чернорабочим, жить в бараке среди мужичь.

Иногда, раздумывая так, он представлял себя на месте старого Кучукова; ему казалось, что он дело вел бы умней и разностей, чем старик. Иногда он жалея, зачем принял кружок кучуковского зятя—может сейчас у них была бы большая торговля по Волге. Но все эти мысли прихвально в столкновении с властью и обществом. «Все рано б раскуклились—решил он и перестав думать об этом.

По временам он задумывался и о том, чтобы вступить в партию и пробиться к власти. Он побывал несколько раз на собраниях ячеек, но там чувствовал себя тошно и неважно. «Узнают—загрянут,—решил он.—Ну их к богу в рай!»

Всюкую работу он рассматривал как побивку, как средство переждать... Что переждать и сколько ждать? Он и сам не знал. Приди к нему кто-нибудь в эти дни и спроси: «Приходи Трофимов, Ленка, Алексей Митрохин, Бачинович, скажи, чего ждешь?» Обрыз в руке? Дом с женой? Лавку? Лодней рысишек? Ну чего, говори?! Он ответить бы не мог—он всего хотел и знал, что добыть этого при нынешнем порядке ему не удастся.

Вел он за собой таких же людей: двое из его компании ушли от коллективизации, двое других колесили по всей России, переходя с одной стройки на другую, с завода на завод. Сохранялись здесь дождевые обьяного толдо, потому, что очень уж подходящие подобрались компания.

III

В начале августа утром в выходной день друзья Митрохина выжидали подде барака. Скрыли новыми сапогами, к ним подошел Алексей. Они теперь все числились за литейной. Шербаты Петр Нечавини (он все время намеревался оставить взамен добротых зубов золотые, но никак не мог собраться с деньгами) установил такой порядок: один из них по очереди ходил утром вешать ножики, и свой и всех своих товарищей—а другой вечером приходил и снимал ножики. Учета на работе не было; вторую неделю они не работали совсем, но подучку им выдавали полностью. Сейчас, выпивая, они, довольные, шумели и развлеклись стволами. По плану, пользующего Митрохина друзья его определяли, что Алексей сегодня «не в себе».

— Что ж это,—спросил он, хмурясь,—да гуляй в больном, да литейный выходной!

— Верно, Ленка—радостно согласился шербатый выходной.—Я как на работу выйду, значит выходной...

— Что это! —повелевший сказал Митрохин.— А чего серед удачи седи? Места другого не напши?

Все четверо его друзей переглядывались, сирившая друг друга взглядами—что с ним, какая муха его куснула?

— Что ты ничем неустный какой?—спросил наконец его устлый, самый старший в компании Антон Лукин, в германскую войну служивший в лодьках.

— Ордера не дали,—сказал Митрохин, подвес к ним. Он стер плеч с сапог тряпочкой, вытщанной из кармана, и взглядылись в их глицей; глицей, ему показался недостаточным, и он сел на табуретку, тряпочкой протер сапог.

— Какого ордера?—спросил, не понимая, Петька.

— На комнату,—отозвался Митрохин. Губа его была красная, а все время шевелились, а по было нахмурено.

— А ты разве с'ехать хочеш от нас?—удивился Нечавини.

Митрохин не ответил. Он сунил тряпочку, протер в карман.

— Пошли,—сказал он неожиданно, приподнимаясь.

— Куда? — спросил Лукин.
 — Дом занимать?..
 — Как так, а где? — раздраженно стелет Митрохин. — Возьдем в комнату, вещи положим и будем жить...
 — Разве можно?
 — Ну! — повелительно и тихо сказал Митрохин. — Зови, кто есть в барнаке, — приходишь на Петьку. — Пусть берет вещи. Скажи — в новый дом Алексея ведут.

На Барнака Петья был человек двенадцати, большинство из них по примеру Петень толкал мешалки и симлали два раза в день померки. Митрохин сказал:

— Дома none чокнут. Кто в'дет в них, тот и будет нап'дому с кошкой. Кто обман пролезает, тот так и будет весь жить в барнаке...
 — А принас какой ест' насчет этого? — спросил его кто-то из сокителей по барнаку.
 — Дура, — кратко ответил Митрохин, — за-кол ест' — кто в'скаки и жмет три дня в доме, того выселит никто не смеет.

— Три дня?! А милиция? — сомневался, спросил тот же голос.

Митрохин, повернувшись к нему спиной, велел Петьке брать вещи.

— Пошли! — скомандовал он снова, и человек десять потянулись за ним. Они подошли к новому дому, еще не окрещенному, отстоявшему от их барнака за два квартала. Большинство комнат было не занято; по ним рассеивался тумок, что пошли за Митрохиным. Митрохин облюбовал себе угловую комнату. В ней было два больших окна. Но комната была закрыта. Сидя замок и отворив подобранным ключом дверь, он велел своим вынести в коридор вещи, что были в комнате, и внести туда вещи свои.

Вести о захвате дома распространялись и по другим барнакам. К вечеру второго дня весь дом был занят.

IV

По плану разберется коммухозом дом, что заняли под ведомством Митрохина, жильцы барнаков — строители и чернорабочие, — был предназначен для московских и ленинградских металлистов, мобилизованных в спец-1000 по особому заданию ВКП. Люди, получившие ордера в коммухозе, приходил на место, находили комнаты, предоставленные им по ордеру, зачитывали. Трое из тех металлистов, что вехали в дом до захвата, его строителями, были вытеснены так же, как и Автономов. Все они, обменяв коммухоз в выдаче фальшивых ордеров, в нераспорядительности и в беззащитности, толпились целыми днями в канцелярии завкоммухоза.

На пятый или шестой день после захвата комитат завкоммухозом, ранее даже не удумывавший в смысле жалоб, заметил наконец, что большинство жалоб приходится на один и тот же дом. Он велел выяснить, были ли выданы ордера на тот дом? Оказалось, что нет. Тогда, позволив начальнику заводской охраны, он попросил его проверить, действительно ли дом № 503 занят самовольно, как заявляют все жалобщики. К концу дня сообщение о захвате дома жильцами барнаков подтвердила и заводская охрана. Завкоммухозом растерялся. Московские и ленинградские рабочие просили, чтобы выведут его иско «коммухозом» на чистую воду, они собрались подавать заявления на него директору и в партийный коллектив.

Нельзя предугадать, бытлина, охватившая столкновения с директором завода, завкоммухозом решил пойти за советом к секретарю партколлектива Маркусу. Случая его расстранные оправдания, Маркус вспомнил о старинном инструментальщике, что приходил к нему три дня назад с жалобой, вспомянул о других аналогичных жалобах в шахе, когда его оставившаяся и рассказывала о том же, и сначала изложил доклад заводскому коммухозу. Потому ж он не пришел к нему раньше, чорт возьми! Разве можно запустить такие дела? Затем он стал расспрашивать подробно — кто вселится, есть ли куда выселить, не приходится ли кому-то переехать в другой дом, на очереди еще новые дома и когда они будут закончены?

Завкоммухозом, крупный и усталый, весь заросший белоглазым волосом, запустил пальцы в бороду, задумался.

Куда? — разводя руками, спросил Боровой. — Куда я их выселю?

— Как куда? — удивился Маркус. — Обратно в барнаки.

Нельзя, — вздохнул завкоммухозом. Все его сгорбившаяся фигура и белоглазое-линяное зрелое лицо говорили о том неприятном положении, в которое он попал. — В том-то и дело, что и барнаки теперь заняты.

Занятия? — замурмысав повторил Маркус.

Дело запуталось. Ему неприятно было, что он не являлся за него с самого начала, когда жаловался тот старик. Он вспоминал, что написал тогда записку в коммухоз и спросил Борового, получал ли он его записку насчет этого дома.

— Получал, — ответил завкоммухозом, — но...
 — Что же ты тогда предпринял? — Завкоммухозом снова вздохнул и посмотрел на свои

— А ну, вон на комнаты, дорогие гости, давайотр вончел!

большие потные руки, зарешные теми же бело-ватными волосами.

— Командант вселит уже в барнаки новых рабочих, — сказал он, отворачивая лицо в сторону. — Эх, ты! — вскричал Маркус, — всегда вот так. Нагадите, а за вами нылькой ходи — подтяри... Что же ты теперь делать будешь? — спросил он Борового, ругая его про себе сонной рожей.

Выселить рабочих на улицу было невозможно. Металлисты же, получившие ни на что тепер негодные ордера, могли бросить завод и уехать обратно на те заводы, где работали раньше. Им по договору завод обязан был предоставлять жилье.

Боровой виновато горбился на стуле, ерошная русая борода, делушдро его похолола на вышних бороду и могла ждал указаний от Маркуса. Он не хотел брать на себя ответственность ни за выселение, ни за оставление самовольно вселившихся.

— Ладно уж, — думал он, — ругай, ругай, брань на корону не вносит. Скажи он, пусть как выкрутятся. Игнатов — так тот, небось, еще больше заругает...»

Он хотя и чувствовал за собой вину, но был убежден, что если послать и коммухозом самого Игнатова или Маркуса, так и они могут прозвать такое дело. Рассуждал так, он решил не раздражать больше Маркуса разговорами и ждал ответа.

По лицу Маркуса он видел, что и тот не может решить сразу, что делать. Маркус же действительно колебался. Он не решался выс-

казываться за выселение, — жилищный вопрос был острым для всех рабочих завода. Маркус боялся, что выселение может резко разделить рабочих завода на два лагеря: на «своих», тех, кто идет за заводом, — им предоставляли жилье, но оторвать от завода, — на «чужаков», тем, кому давали комнаты в новых домах в первую очередь. Среди бывших строителей были «чужаками» сильны уранилосские настроения. Они ругали завод так: «Густы! Москвичи пожили-жили в барнаках а мы, как они, — в квартирах с клеветами да с вынуждены. Маркус понимал, что это были антирабочие, кулацкие настроения, но боялся, что выселение бывших строителей вызовет эти настроения.

Современенно ли было или несвремененно ударить в лоб по таким настроениям, когда он еще не освоился с парторганизацией, когда коммунисты вместе с комсомольцами составляют меньше 10 процентов всех рабочих? — Великий необдуманный шаг, — думал Маркус, — может усилить текучесть среди рабочих, осложнение настроения, когда началась уборочная кампания и ордера рабочих в деревни стали чрезвычайно нужны. « Все же Маркус склонялся более к первому решению — выселить немедленно. Позволил по телефону Игнатову, он услышал, что зайдет сейчас к нему в кабинет коммухозом. Игнатов, бранясь, ответил, что у него слит как раз один питерский металлист по этому самому делу и что он их идет у себя.

V

Обычно весь день после утреннего обхода цехов Игнатов принимал заказы, выдавая распоряжения быстро, грубо и коротко, как и раньше, когда работал на строительстве. К нему приходили из механооборочного и сообщали, что рабочий после сверловочного «Итко» сделать не на чем; знонии из силовой станции, что давление воздуха надо до 1½ атмосферы; и литейная стала из-за отсутствия воздуха; его спрашивали, куда вселить прикасаемого американца, что делать с бездомными лодочниками, куда стружать става (склада материала при кузначе не было), где отвести площадку для строительства фабрики-кухни.

Но все Игнатов отвечал так, словно ни один и мог разрешить все эти вопросы, и в то же время намешиво: «Что ж вы сами-то не знаете, что ли, как надо поступать в таких случаях?»

Алло, слушаю, — кричал в трубку Игнатов. — Земли нет? Пошли пять грузовиков за землей. Что? Козел в литейной коком чугу нет? Будь вы трижды неладны! А американец что? Да, да, согласен, выключить воздух для других цехов, оставить для одной литейной... Ну да, да, галителе, я вас за это.

Он ругался, подбавлял, отдавая приказы, но все выполнялось, все велел делать по-своему и так кончу дня, как казалось ему, разрубал все спорные узлы.

Раньше, в дни строительства, он всегда был уверен, что его распоряжения правильны и целесообразны. Но в последнее время уверенность эта поколебалась. Смутное сознание растущей и надвигающейся на него неприятности, сознание того, что завода он в оставлении до первой осени не оставит, — чувство, что произошло помимо его воли во все его распоряжения.

Зная все это, Игнатов крепился и не давал себе распустииться, ослабеть. Он знал, что если только он не начнет отступать, не начнет делаться цехов и вообще все его подчиненные, тогда эта неуверенность передастся и распространится по всему заводу. И потому, отдавая распоряжения внешне поспешенно, он повисенно и хлестко отгонял от себя все больше и больше доминантные его мысли о неизбежности какой-то крупной беды и для него лично и для всего завода.

Он не любил оставаться теперь один в кабинете или не иметь перед собой никого. Если ему случалось оставаться одному, он немедленно вызывал людей, звонил по разным телефонам, отдавая приказы, звал в цеха. Кипучая его деятельность теперь нужна была ему не только для того, чтобы разрешить текущие нужды завода, но и для того, чтобы отгородиться от каких-то обидных, нависающих на него неприятностей, от которых он чувствовал себя неподготовленным.

В одну из таких минут, часов в пять вечера, когда он остался один в кабинете и обдумывал, что бы ему сделать, к нему вошел старший Аппендикс. Он встретил Игнатова не приветливого, но раскресными и праздными, это

— Не оскорбляй... — глумо сказал Митрохин. — Я тебя жандармом не зову, хотя ты меня заарестовать велел...

— В жандармы меня производили?! — удивленно и гневно переспросил Игнатов. — Да кто ты такой, сукни сын, чтобы так разговаривать? — подним голос, крикни он.

— Гражданин советский... — снова взял себя в руки, усмехнулся Митрохин. — А на вопросы ты мне не отвечаешь, за что им казармы даю?

— Я те отвечу, — твердо и раздельно сказала Игнатов. — И за самоуправство, и за старика, и за то, что людей с толку сбива и за жандармов — за все отвечу...

— Грозись — твоя власть, — хмуро отозвался Митрохин и покрутил ручку.

— Моа! — крикнул Игнатов. — И его! — ткнув в грудь Артамона, добавил он, — и его, и его, и его, — указывая пальцем на всех стоявших в комнате, сказал он. — И их всех... — ухаживая на толпившихся в коридоре людей. — Моя власть, — повторил он, — и вот моя власть говорит: если домов мало, то давай их сначала сами нужным людям, а потом уж и всем остальным. Понят? Моя власть говорит, что если у нас самоуправство будет да быдла, так мы социализм не построим. Понят? Моя власть говорит, что еда дисциплины не будет и каждый жулик, билбога издается будет над рабочими и власть своего жандарма обманывать, — то у нас порядка не будет. Понят? Моя власть говорит, что если тактике субчиков, как ты, на поле держать, так ты же что дом захватывай, а и завод, а и город — что удачи, понят? Так мол — наша власть, — обвел он широко всех стоявших в комнате и в коридоре, — тебе не по нутру? Так, что ли? И сказать ты это не можешь, дедовина, потому что только и слам в тебе, что над стариками глумиться и людей обманывать... Так говорию — нет?

— А хоть бы и так... — помрачнев и пододвинувшись, негромко ответил Митрохин; но все слышали его ответ: — хотя бы и не по нутру... — сказала он. — У меня своя голова, не дареная...

В комнате стало тихо. Слышно было тяжелое дыхание Игнатова, скрипы половиц и то, как переступают с ноги на ногу в коридоре.

— Ну вот и договорились, — удовлетворенно заметил Игнатов. — А вам что же, — обращаясь к отстоявшей двери, где толпились народ, спросил он.

— Мы што... Назов бы сразу вам притти да сказать... это Левка... — сказал не выслезая, — разноголово отведи от дверей. — Он всегда такой самовольный — в бараке раз кошку задерж...

Митрохин стоял у окна бледный и мурный. Он теревая низ рубахи и оглядываясь по комнате. Он не знал, на что ему сейчас решиться. Его власть над людьми, которых он висел в этом дом, рухнула на его глазах. Они наперевол поносная его; перед ним была тюрьма, новая принудилковка...

Неожиданно, прежде чем кто-либо успел сплоснуться, он схватил стоявшую перед ним табуретку за ножку и, размахивая ею над головой, крикнул:

— А ну, вон из комнаты, дорогие гости, разговор кончен!

Первый подвернувшийся ему под руку получил сильный удар вдоль спины, и толпа от дверей отпрянула, смятая Маркуса и Игнатова. Игнатов, сопротивляясь движению, свалился обратно к двери; Митрохин шел на толпу, размахивая табуреткой; шарф, синий в полосу, ужал с его шеи на пол.

— Посторонись! — кричал он, — ко мне, Петяка...

У дверей послышался крик, кто-то спотыкнулся и упал под ноги. Откуда-то сзади из коридора кричали Митрохины:

— Дерись, Алексей, пришла выручка!...

Игнатов выхватил из заднего кармана броч браунинг и нацелился в Митрохина. Митрохин заметил, как выхватил Игнатов браунинг, и в самый разгар смятения вдруг остановился посреди комнаты. Он опустел ниже табуретки, а дедка ее перед собой словно щип, так и прыгнул назад, к стене...

— Игнатов выхватил из заднего кармана броч браунинг и нацелился в Митрохина. Митрохин заметил, как выхватил Игнатов браунинг, и в самый разгар смятения вдруг остановился посреди комнаты. Он опустел ниже табуретки, а дедка ее перед собой словно щип, так и прыгнул назад, к стене...

— Игнатов выхватил из заднего кармана броч браунинг и нацелился в Митрохина. Митрохин заметил, как выхватил Игнатов браунинг, и в самый разгар смятения вдруг остановился посреди комнаты. Он опустел ниже табуретки, а дедка ее перед собой словно щип, так и прыгнул назад, к стене...

— Игнатов выхватил из заднего кармана броч браунинг и нацелился в Митрохина. Митрохин заметил, как выхватил Игнатов браунинг, и в самый разгар смятения вдруг остановился посреди комнаты. Он опустел ниже табуретки, а дедка ее перед собой словно щип, так и прыгнул назад, к стене...

— Игнатов выхватил из заднего кармана броч браунинг и нацелился в Митрохина. Митрохин заметил, как выхватил Игнатов браунинг, и в самый разгар смятения вдруг остановился посреди комнаты. Он опустел ниже табуретки, а дедка ее перед собой словно щип, так и прыгнул назад, к стене...

БЕТХОВЕН НА ПЛОЩАДИ

Вместо отчета о Всесоюзной олимпиаде

— Агитпробригада.
Категория отходки не олимпийская. Не занесена в энциклопедию. Не котруется «на театре».

Творческая занка, исходящая из самостоятельных сфер.

Но класные «застыли» воротят нос:

— Второй сорт... «Синяя блуза».

У подмостей Всесоюзной олимпиады самостоятельного искусства унавивали эти патентованные отходники из «барских салонов» и старательно проводили агитпробригады в сибебуазные «лишние».

Едина только со сцены раздавались коллективные декламации, как по углам морщились некоторые рецензентские носы:

— Агитка. Крик...

Скetch обьявляется презренным жанром. Мыш и физкультурная заридка устареел и непереносим. От Синей, мол, от блузы. А это, по их мнению, прова. Или же в лучшем случае — дурной, неприличный тон.

Верно ли, однако, что «Синяя блуза» подлежит сокращению по штату?

Разумно ли вообще обьявлять эту форму подделком самостоятельного искусства?

Товарищ Аболон, секретарь ВЦСПС, в день финала олимпиады озвучил настроения на аутолюбимый лад отдельных рецензентов, когда сказал:

— «Синяя блуза» была крупным фактором политической художественной агитации лет 8—10 назад.

И добавил:

— Блуда может ест такие районы, где и сегодня «Синяя блуза» не исчерпала своих возможностей.

Не преждевременны ли следовательно похороны?

Агитпробригадам да и трамам не к нулю отнраться от своего детства. А «Синяя блуза» была именно детством самостоятельного искусства. Простота и доступность ее приемов вывели к мастерству не один коллектив. Скорый декламации, с марша и «финалу» тарарды, с оратории и скетча началось движение.

И если агитпробригада нынче перешагнула через «Синюю блузу», то они лишь инновали упат, который когда-то являлся неизбежным.

Разумеется, всякое окостенение в освоеной форме искажает ее своеобразие.

Отранные и узкая тематика, если она не

поможена на высококачественную драматургию и сценическое мастерство, бьет мимо цели.

Самодельные бригады показывают часто иконическую удурника с заученными реками. Он действует среди зафиксированных раз и навсегда масок. Если вредитель — то в нижней фурежке и в очках. Пылвица — красносносый, с обязательной бутылкой Оплоурцист — с портфелем.

Декламация на тему о нормах выработки и снижения себестоимости бед художественной «значитель» выродится в нестерпимую трескотню. Выразительность подменяется криком.

Тогда возникает весьма грустный пейзаж: в окружении унылых подосноунов — их три — разная гражданка плачет под неониданной аккомпанемент песни: «Во саду-ли, в огороде. Это должно, по мысли бригады МБВ все! дур, изображает обезличку на транспорте.

Славу советскому арифметру иначе, как средствами оперы, будто бы выразить немыслимо. О бракованной продукции надо обязательно изъясняться тоскливым ариям. Такова практика другой бригады — машиностроительного завода им. Дзержинского.

Спрашивается:

— Откуда это? Откуда у халца испанская грусть?

Откуда у одесских трамвайчиков («Мотор»), коммунистов и комсомольцев — талантливых актеров, среди которых один инженер, секретарь завкома, бригады лучшей хоростроительной бригады, — откуда у них склонность к патке, к парфюмерной красотице, пшнов, крымских музыке, где «Интернационал» уживается с фокстротом?

Разумеется не от органического порока. Суть в ином. Политическая трескотня на подмостках ведет к забвению художественного качества. В шум и грохот просякывает ложность. Но это — расплата за окостенение.

Однако бывает хуже. Выявет, когда агитбригада становится громкоговорителем вселенской отсталости. Бригада ирвешских ткачей например считает важным негодовать по поводу естественного стремления рабочих к культурной одежде.

Застылость сибебуазных методов сильно бьет по национальным формам социалистического искусства. Бот бригады — башкирская и мордовская. Никаких особенностей, своеобразия, специфик. У мордовцев хотя и национальные ноты, но они не включены органически в постановку.

Уральская делегация на олимпиаде

Коми-пермичский хор

Это ктати обяснено. Ни Наркомизм Спашкири, ни Башпирофсовет деяких чувств к самодельному искусству не питают. Даже секция специальной нет.

Зато бригадам водятся особая честь. Они составляют непрерывную рабочую силу а любой кампания, они же выполняют функции рупора очередных дозвонгов. Но творческое начало от этого уступчивает.

Бесодержательная трескотня, проникающая а агитпробригады,—тревожное предостережение драматургам, литераторам, художникам, деятелям профессионального театра, которые иск самодельного искусства и сотой процента не оплатили. Но если первосортные драматургии воруют нос от второсортного искусства,—выходится условные равновесии протухшей халтуры. И она, эта халтура, проникает а аудиторию миллионон.

Это конечно не хроническая болезнь агитпробригад. Это — болячки. И при этом ими поражена только часть сектора.

Беспорядку агитпробригады—это огромный плюс самодельного искусства. Они ввели а искусство политическую застенчивость, злободневную насыщенность, действительность, оперативность. Это—элементы высокого искусства.

Кухонным агиток надо было бы уметь насыщенные подлинным комсомольским темпераментом, полное молодой жизни, искусство таких бригад, как рабинская (завод № 20), азербайджанских транспортников, бакинских тружеников, колдологаских, бувайжинок. А разне «Колоние-Линке» или американская бригада Ленибашпирофсовета не дают заповок на мастерство!

Те же рабинцы а полнокровных образах сумели показать борьбу рабочего плеска за воду.

Башкири блестяще раскрыли национальную форму а сцене «Гдех а колхозе» а помощью танцев и плясок.

Великолепные образцы триеровки демонстрировали девушки тюркской бригады, еще недавно чужаками сцени.

Американцы в пьесе Хьюза, повествующей о шести юношах Скоттсборо, сумели создать а привлекательность действия.

Бригада немешких рабочих «Колоние-Линке» неизменно завоевывает многогласного зрителя своим горячим сценическим чувством, своей способностью а скупой рисунке дать отлично очерченные, выпуклые фигуры. Даровитый актер изображая голодного безработного, который коньбастает, просит ли ему милостыню или нет, живет на сцене благодаря отличной мимике, продавленным жестам, выражающим многообразие переживаний.

Таков весь коллектив, у которого нет разрыва между политической актуальностью и мастерством сценического воплощения.

Конечно агитпробригады выступают неизменно труппу, а теи более музыкальным звеньем олимпиады.

Ни одна бригада здесь, на олимпиаде не а силах тягаться с китайским трамом, у которого, как ни у кого из коллективов, разносторонне и полноценно раскрыта национальная форма искусства. Мастерство этих владивостокских комсомольцев-тружеников, а короткий срок основных многолетнюю науку сложного театрального дела, гимнозировало тридцатипятилетний «зал» олимпиады.

То же—дзештиградский театр «Стройка», идущий сегодня к верхним профессионального искусства.

Трамовое движение, выступавшее комсомолом, показало на олимпиаде несомненно более высокий класс, чем агитпробригады.

Тринадцать трупп а сущности представляли зрелищную самодельность страны.

Один хитрый драматуржок конечно бесценен для кого-либо представителствовать, ибо само его одинокое явление говорило о разгроме этой нужной, когда-то популярной формы рабочего творчества.

Развернутыми полемиями, а трибунальным маршем шагали а дни Всесоюзной олимпиады ее беспорядочные гегемоны—бесконечные струнные и духовые оркестры а многогласные хоры.

Но тон задавали музыкальные постреды. Они десятилетиями бандурами контрабасистов дали старт олимпиаде. Медь и никель глотуры тысячи труб горели в первый же день в соседстве с юпитерами. Они переключались а ликумом томпота, Удзайские бонгуры, китайские джазы и барабаны, восточные зурны, бубны и симбалы, русская балалайка а гармонь всей звуковую партиту олимпиады.

¹ Немецкая художественная агитбригада.

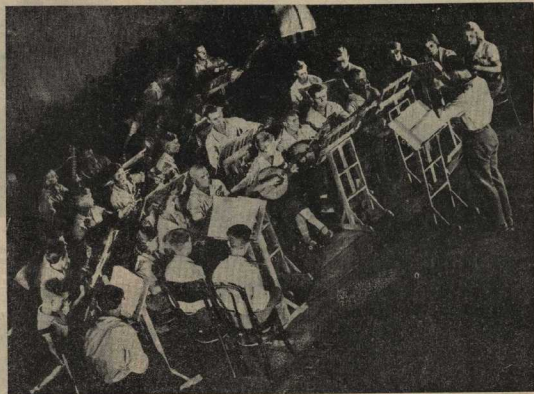
Для участия в олимпиаде прибыл узбекский национальный хор

Бетховен и Мусоргский, Моцарт и Вагнер, Берлиоз и Эйслер отлично прививали у ленинградских знатников и киевских металлистов. Комсомольцы-ударники московского завода им. Сталина, занятые в духовом оркестре, вполне

Они—в граммах, в бригадах, в теамастерских, в хорах, а оркестрах.

Они—а отрядами своей массы в рядах комсомола, их 11650 чел.

Это—лучшие фехтовальщики и акробаты

Марьупольский металлургический завод им. Ильича послал на олимпиаду большой струнный оркестр

прониклись величием монументальной героичности вещей, как литая симфония Бетховена.

Главными мастера а ленинградского «Треугольника» обладают высокой культурой, четкой дисциплиной. У них вполне «на уровне» выглядят «Буржуй» и «Руски а Людмила».

Первая олимпиада в сущности была олимпиадой молодых.

Их—шестьдесят процентов.

китайского трама. Великие исполнители ленинградского «Стройки», аристократы трама московской Гетрой боевых агиток «Колоние-Линке» «мейстерингера» музыкальных симфоний. Запевалы хоровых массивов.

У них песни и стих—это бомба и знамя. И голос у них «подымает ветер».

Это—качество социалистического искусства.

Заводы — они как люди. Бывают заводы ни то, ни се. Недоступны, шагившие в подвалы. Бывают заводы-рыбки, свалившие пошину в собственный бокс, заславшие продукцию куда угодно, только не по нужному адресу. Бывают заводы-резиныки, слабились, со старым развалом оборудования. Бывают удивочники, складь которые течет разливший сырой тон все смеющихся рабочих, а в отставленных пельках заводов то в депо вспыхивают изрыбки. И есть заводы-диобреттели, заводы-агитаторы, заводы-ударники.

И среди заводов-ударников тоже народы разные. Есть, которые

гордятся повзвистывающей сдвоенной частью, почти неготовой по гнидничать из-за являя деловым американцами нежизнеспособным, в котором особенно отчетливо и сполноно презрительно презрительно либра плава. Точно наварено АМО из Сталина.

А есть ударники, чей голос заливается эхом на всю страну и где выходящие плава идет, как дыма отаки, и завод, любящий чтобы его писали, нехотят похотеть эту элихость своим на зах весте Советского союза.

От этой пароды есть у Электроставода.

Мы его знаем все. Это он выполнял пятилетку в 2½ года, но

Уже позади приветственные речи раменцев, отщелкали феберверки, отбыли прожестора. Мягкими пыльными дорогами разводит командиры свои полки на ноченку по окрестным колхозам, уже приготиивших к встрече гостей свои сеновалы и класти.

Скорей спать, утро настанет рано.

31 июля на перронах Казанского вокзала — группа командиров около приготовленного поездного состава.

Вы думаете — тот, кто помысе, с орденм и пионерской у зубях — коммерческий директор Электрозавода Дунагоа? Сейчас это — командир электровозодской дивизии Осоавиахим. А рядом с ним — секретарь партколлектива Юрон. Да, Юрон, но он сейчас комиссар дивизии.

А за его спиной — начальник штаба дивизии. А на перроне — вчерашние сторожа — сегодняшняя коммандитская команда. Вчерашняя — амбулатория — сегодня санитарная часть. И заводской ЗРК стал отдельным снабжения.

И вот уже идут, предшествуемые знаменами, печная маршевый шаг по доскам перрона, отдели. Нет, не отдели, а полки. Чехия? Не чехи, а батальоны. Не смотрите, что такой штатский вид у толстожилых трансформаторщиков и также по-дичному нарядные плахта у дежнат, идущих рядами. Все они — 7½ тысяч бойцов нового электровозодского Осоавиахим, буквально за пару недель единым рывком поднятого на дрожжах тысячи собраний, митингов, кружков и вообразшего в себя уже половину завода.

7½ тысяч — дивизия, пошедшая в поход под Раменское испробовать выносливость и дисциплинированность новонавербованных осоавиахимовцев, а заводю помочь суботником электровозодскому колхозу, там расположенному.

Вагоны, полные электровозодами, это — митинги на колесах. Это — концерты на колесах. Это — танцульки на колесах.

Старые большевики с т. Павлишкой под стух колес рассказывают о дне 1 августа, ежегодно напоминающем о последней мировой войне.

Бойды ОКДВА, вспоминающие о боевых делах на Далеком Востоке. Звонкие массовики Пира культуры и отдыха, комсомольцы-стеназвечки и инструктора ОСО — все это и сотни лопаточек перемешивает возбужденную автранинми мисверами и взасправданным походом электровозодскую массу.

Рожки горнистов зовут роты под шепелки колодезной воды к столам питательных пунктов. Особенно диковинны трубы интерроты. Они называються ашамейны, на них легко научиться играть, их изобрели германские ротфронтовики для своих отрядов.

Вкусно и весело пьется молоко под аккомпанемент сенокосных запялов. Хлеб с сыром сдается тут же, печенья ассоциируются в кармал, а огурцы припасаются к жирному времени дня, тогда они заменяют баклагу с водой.

РЕПОСТЬ

за это ПЕРВЫЙ орден Ленина. Это он возглавлял бригады штрафы сельского и городского и получил за это ВТОРОЙ орден Ленина.

Некоторые комсомольцы, неспециализированные переделывали завод, это — тоже дело Электростроителя.

Но редко бывают на свете стопроцентные ударники. У каждого из нас есть какие-нибудь бодячки, досадная заминка, обычная нарастающая погрешность.

Есть у Электростроителя, кроме двух этих орденов, еще третий.

И не любит о нем говорить электростроитель. Этот орден — роковое знамя. За влюбку работу Осавнахаича, за то, что возмун «Кривой» везу устрою всего одной 20-й частью его.

И с той же настойчивой злостью, с какой в предние годы возмундился завод на переименование плана, и на организацию новых отделов, и на шрефскую работу, — поднал его сейчас паргвалекция на управление обральной работы. Секретарь паргвалекциала у Юрия, маленький ростом, но людской и организационной изобретательствот, предлажал дозвун: «ЗАВОД-КРЕПСТЬ».

80 га совхозной капусты, огурцов, картофеля надо прополоть. Совхоз свой. На полях работают хозяева. На свой стол. Стенгазетки, пригнувшись по канавам и полянкам, собирают в комки наблюдения, факты, подлинны.

Радиодвигатель, ездит между полями, развозит музыку оркестра, чтоб псалть веселее было.

Командиры торчат на сборные пункты, скорее, к маневрам. День очень жарок. Предстоит трудные переходы. Как же удержать при виде реки, где так здорово можно ополоснуть замшелый пот суботника и взобрать мускулы предостоящим напряжением!

Площадки перед штабами кишат бойцами. Уже появились в руках комсомольцы винтовки. Уже первые цепи разведчиков, сбиваясь и прыжась за стоганы, побскажи по сенокосам. Уже тинутся санитарные дзюкони к местам сбоя. Уже сворачиваются походные библиотечки.

— Вот тот синий лес вы должны взять. Пойдите вдоль реки. Совхозные части будут на вашем левом фланге. В походе не болтайте, не отставайте. Если начнется обстрел и взорвется снаряд...

..Ложиться, а не газеть. Хотя этот снаряд бумажный и подложен посредником, бойцы должны вести себя, как в настоящем бою, и приучаться с полной серьезностью выполнять приказания командиров...

Пустеют деревни. Поперезнакомились с электростроителями козхозники глядят вслед упреждаем в наступлении «красным». Эскадроны самодетов промчалась от Москвы, ставшая «спин» зажиматься в кустах и обходя наступление «красных».

Вот уже передние цепи интернациональной роты ворвались в лес и началось бурное брание прожекторов с трансформаторщиками. И вот уже нет ни «красных», ни «спин», а сплошная электростроительская река катится вдоль железной дороги к местам заключительных уд. тингов.

Наскоро итожат результаты похода. 102 электростроителя подали в партию на полевых митингах. Комсомольский батальон 1-го полка — «Лампочка» — прова поход блестяще. Он кандидат на премию — знамя.

Подсчитываются промахи, недочеты — сбитые ноги, напеченные головы. Усталость большая, но усталость веселая.

— Когда следующий поход? — допытываются наперобой не только неугомонные комсомольцы, но и взрослые рабочие, и старики.

Поход завода-длинны — интересный способ осавнахаичевской работы.

Электростроители показали нам, как создавать «заводы-крепости».

Одни из первых заводов-ударников Союза кричит остальным завод-товарищам:

— ПОДТЯГИВАЮСЯ, РЕБЯТА! КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

ОРГАНИЗАТОР МИРА

(Максим Максимович Литвинов)

Весной 1906 г. на гамбургское стрельбище прибыл аташе южноамериканской республиканской Эквадор. Его сопровождал офицер той же республики — консультант по закупке оружия.

Лицо этого офицера в настоящее время мучительно знакомо подавляющему большинству государственных деятелей, побывавших на разоружительных конференциях Женевы.

Аташе с офицером-консультантом произвели у ряда фирм солидные военные закупки.

У гамбургской оружейной фирмы Адольф Франк было закуплено 500 револьверов Маузера с патронами, на датском правительственном заводе — 9 кавалерийских пулеметов, на германском правительственном заводе — 1000 килограммов динамита и 3 млн. патронов.

На гамбургском стрельбище состоялась приемка закупленного оружия.

Двадцать представителей республики Эквадор окружили многоименные агенты германских и датских фирм.

— Я хочу видеть мишень, — сказал офицер-консультант.

Если бы кто-нибудь из присутствовавших тогда на стрельбище попал в один из дней на заседание Женевской разоружительной конференции, то голос одного из ораторов мог бы напомнить ему резковатый, характерный голос этого эквадорского офицера.

— Мишень, — сказал офицер. — Я не вижу мишени.

Члены комиссии переглянулись, ничтожной труппой шотландского человека кто-то из агентов бежал уже к началу стрельбища.

— Прекрасно, — оборвал вдруг офицер, оставившая бегущего, — все в порядке, вот это будет мишенью.

И он вынул из кармана своих невероятных эквадорских брюк ивовый платок. Он сделал это не слишком быстро, чуть-чуть задержался, расклавши карман. Пожур мойщик бренок был ему очевидно не очень знаком.

— Вот, — сказал офицер, — можно стрелять.

И пулеметы стреляли. Блестящая дольчатая лента передвигалась в пулемете, как дольчатая губная гармошка передвигается у губ играющего ребенка. В каждой дольжке был заключен выстрел, и когда быстрая лента всеми дольками сыграла свой марш, офицер через все стрельбище побежал в сторону платка, расплывшись на руках, поднял его в воздух на свет.

Средневропейское умеренное солнце, гамбургское солнце било через платок — сквозь множество отверстий. Пулеметный марш был записан на платке методически расставленными дырами.

— Хорошо, — сказал офицер, переглянувшись с аташе. Сделка была совершена, и оружие заковали и погрузили в поезд, и оно отправилось почему-то не на запад, к Атлантическому океану, а на восток, в сторону России.

А ведь не там, совсем не там находилась республика Эквадор.

На правительственный завод «Дефтин Ваффен» фабрика эквадорцев являла уже в качестве бельгийского гражданина. Он спешил очевидно потому, что размещал заказы на самых разнообразных фабриках, заборы заказов в зависимости от продолжительности срока, предлагаемых фирмами, — револьверы на одном заводе, патроны к ним — на другом, винтовки — на третьем, патроны к винтовкам — на четвертом.

Он давил на фирму и отбирал их для своей надобности с таким расчетом, чтобы получить и отправить оружие не позже осени того же 1906 года.

Маузер он заказал в Бельгии, патроны к ним — в Германии, и так как фирмы не могли поставить всю партию маузеров к назначенному сроку, то он купил еще и винтовки Манлихера, все-то запрошенные, но не выкупленные в городе Триесте, причем патроны к манлихерам пришлось заказать уже в Австрии, на заводе Штейера.

Так он спешил.

И его хлопотническая деятельность находилась в странном соответствии со словами лежского купца Шредера, завывшего лежскому студенту Стояновичу, что во времена революционных беспорядков — 1848 г. — производил маузеров на «Национальном заводе военного оружия» в Серстаде возросло вдвое.

М. М. Литвинов беседует с германским послом фон-Дирсеном в Берлине на пути в Женеву

Какое отношение имел эквадорский офицер к революционным событиям в России?

В России и в русской революционной эмиграции его знали, этого эквадорского офицера. Его звали там «панаша».

В 1901 г. он был вполне определенно освоенной императорской армии. Его арестовали за революционную деятельность и посадили в киевскую тюрьму, и он был в этой тюрьме старостой цейхауза политических.

Ему доставали с воли гигантский букет денег. В букете был икор. Спустившись по сделанной из простынь веревке, привязанной к икору, на торжоны бежали 11 заключенных, в том числе т. Бауман и Пятницких.

Тогда эквадорский офицер, которого большевики русских подпольщиков знали «панаша», попал в Ригу.

И там он создал рижский комитет партии социал-демократов и являл на себя подпольный транспорт людей и литературы через границу.

И этот же эквадорский офицер и впоследствии бельгийский агент на германском военном заводе организовал конференцию северных комитетов РСДРП (участвовал в подпольстве III съезда партии), уезд Ленина, стал большевиком, и после V съезда партии именно ему, эквадору, было поручено тайком вывезти 350 десятков съезда в Россию, и он через контрабандистов, — кого через Францию, кого через Швейцарию, — вывез свой драгоценный груз в Россию, и никого при этом не схватили.

Он никогда не был в Эквадоре. Он владеет русским языком. Он родился в России, он был русским революционером-большевиком, рабоче-подпольщиком, звали его «панаша», и это очень ценил Владимир Ильич Ленин.

С 1905 г. этот одноименный офицер республики Эквадор и одноименный гражданин королевства Бельгия стал организатором мира для всего мира. В подполье это знали под кличкой Фелкс.

Чтобы разоружить царскую Россию, нужно было вооружить российских большевиков.

Это дело было поручено партии ему, капитану.

Он имел своего партийного агента в Бельгийского студента В. Стомонкова, который теперь работает в Наркоминделом СССР, А. Шпалевски, И. Лютера и многих других. Не всегда закупалось одно и то же оружие. Лейский студент, русский революционер, который по национальности, Стомонков отменял, как в Бельгию от социал-демократов Россия приходила сначала требования на мелкие автоматические револьверы, браунинги, маленькие браунинги калибра 7,65, как по мере нарастания рабочей революции спрос переключался на крупнокалиберные маузеры, маузеры, парабеллы и другие виды оружия. Московский комитет в конце концов закупал уже не только револьверы, браунинги, маузеры, а винтовки-автоматы, и как после дебатов о состоянии «паша» приехал за винтовками-пулеметами.

И был такой де-Брукер, и был такой Камилл Гюнсман, и было такое Международное социалистическое бюро в Брюсселе.

Де-Брукер был андкарот, социалист. Камилл Гюнсман был секретарь Международного социалистического бюро. Международное социалистическое бюро было собрано влиятельнейшими, влиятельными революционерами социалистами, которым российская революция казалась столь же экзотичной, как восстание негров в Марокко, и потому безразличной.

Они даже пошли навстречу большевикам, закупившим оружие. Андкарот-социалист де-Брукер как будто стал просто даже агентом русских большевиков по закупке оружия в Бельгии.

Гюнсман от имени Международного социалистического бюро поручил некоему Гаспару закупать российским революционерам оружие. Гаспар был социалист, и он согласился с чрезвычайной готовностью.

— Но он был не просто социалистом, а лейкским социалистом. В нем не умерла преданность авансу. Идеи аванса захватывала и он ставил себе аванс из вооружения российской революции.

По 10—15 франков в свою пользу он набавлял к цене каждого револьвера, пулемета для гонимой легионной социальной идеи.

Мимым эвадорский офицер решил пересобрать закупленное оружие из Бельгии на Кавказ паромом до турецкого берега, где он сделал себе аванс на оружие и на деньги и переехал на берег.

Св ижека капитана. Он обхаживал Голландию, Бельгию, Францию, Италию, Австрию, Венгрию и т. д. и он приехал в Роттердам. Был в Роттердаме секретарь социал-демократической организации.

Приехал к нему эвадорец. И секретарь ответил ему так:

- Сегодня воскресенье.
- Да, — ответил эвадорец рассерженно, потому что думал об экстримном своем деле. — Дайте мне надежного капитана.
- Сегодня воскресенье, — повторил социалист города Роттердама.
- Да, да, воскресенье, так не дайте же мне хорошего, честного, преданного капитана.
- Но сегодня воскресенье, — со стоним споконистом убежденного человека ответил социалист. — Показуется, аванта. Но воскресенье о о о делам не разговариваем.
- И вот эвадорец, прорвавшись через все страны в поисках верного капитана, отчаянно спешивший эвадорцем, покаявшись в двери социалиста, представил себе, как в Роттердаме, Брюсселе, Амстердаме нарастает рабочая волна, и уже бьют флаги в окна домов, и камин тлеет, и огонь, и революция стучит в двери и говорит: революция.

— Показуется! — аванта. Сегодня воскресенье. По показуемым мне о делам не разговариваем.

О, честный, о, демократический, Аванта! Социалист социал-демократический Амстердам!

Итак, мы остановились на том, что бывший эвадорский офицер уже в качестве бельгийского гражданина явился в турцию, вымывал патроны к закупленным в турции патронам.

О — сейчас бельгийскому гражданину директор завода. — Наша фирма имеет успех. Я рад, что вы можете разделить успех с нашими русскими офицерами. Они тоже покупают у нас патроны.

Так российский революционер, готовивший разоружение российской императорской армии, связан с этими капитанами, с этими российскими офицерами. Он мог сделать жез мелодраматический, мог уйти, отказаться от заказа, бросить деньги.

Но он был трезв, как всякий практик революционер-подпольщик. Он был готов к неожиданностям.

Из этой неожиданности предстояло извлечь свою пользу.

И российский революционер пошел на стрельбу с российскими офицерами, и они вместе обстрелили, и он смеялся их остроумием, и они дали ему указания как опознать воюющие подпольщики с патронами.

Он им уже оружие. Он испытывал нужду и в парходе для отправки его в Россию. Трудно было отпарить военный груз в подпольную Россию, если покупался он для Марокко или Эквадора.

Он обхаживал все западноевропейские порты, и все порты провозились, оказывались негодными для его гитангического плана.

Эвадорцу предстояло невидимкой проехать через несколько границ вагон винтовок, револьверов и пулеметов, парход с оружием, легкие фелюги, груженные средствами для разоружения гара, купцов и заводчиков.

Одна за другой гибли для него Антверпен, европейские гавани — Роттердам, Амстердам, Марсель, другие интернациональные города, в парходном рае которых легко скрыть и проматать якобы жванкомериканские, на самом деле русские, большевистские грузы. Не было в этой толпе капитана, верной команды, немого и глухого пархода.

Он переехал в зашифрованную память все колоссальные подпольные связи, знакомства, язык.

М. М. Литвинов в 1902 г.

Остановился на Болгарии.

Права, Болгария тоже чего-то грозила, внушила опасения. Из Антверпена груз можно направить в Марокко и Эквадор. Из Болгарии — это ясно каждому таможенному чиновнику — грузы затянут только в России.

Он связался с македонскими революционерами.

На пути своего драгоценного груза этот человек, расстрелявший когда-то в дороге свой носовой платок, возлагал колоссальные декорации, фальшивые предприятия, подобные фальшивой республике Эвадор на немецком стрельбище, маскировал истинный характер и маршрут своего вагона, пархода и фелюги.

Он добился через македонских революционеров разрешения от болгарского правительства на провоз оружия в порт Варну: якобы македонцы этим помогали армиям в их восстании против врага Болгарии — Турции.

Затем он протался свой вагон транзитом из Германии и Бельгии через подпольно коноводство польскую Австрию.

И наконец он поставил свой вагон в Варне. Тогда бывший эвадорец, бывший бельгиец, стал болгарским судьей-дефектом В Фичуме он купил себе французский автомобиль. Автомобиль сам ремонтировал ее на острове Люсию Никола.

М. М. Литвинов в 1905 г.

Он переехал в Варну, выписал из России команду, дал сигнал на Кавказское побережье об организации тайной военной разгрузки.

Он бонх 25 октября 1917 года в руках у многих матросов, крестьян и рабочих стрельбы его карабина, его маузера — самый возмож-

ность империалистических замыслов была умерщвлена на шестой части мира.

Так закончился первый период его разоружительной деятельности.

Второй период начался с того времени, когда многие дипломаты капиталистических стран увидели этого эвадорского офицера на трибуне ежегодных конференций.

На трибуне стоял не эвадорец, не бельгиец, не болгарский судья-дефект — на трибуне стоял народный комиссар по иностранным делам Советского союза М. М. Литвинов.

С 1917 года шестая часть мира, где был убит самый зародыш войны с завоевательными целями, стала гигантским рупором, который рассказывал всему миру о кровавой джи зачинщика войны.

Навстречу огульному крику 40 тысяч сорочанинских агитаторов Крылья, предков, служителей культа, черной церкви, развратности, стращанья амстердамских социал-демократов, исканья доступ к «народной душе», чтобы позарить «народную душу» и народное тело мимыми большевиками, навстречу всем поджигателям новой войны вышел на трибуну «мирных» конференций представитель Советского союза, тогда еще заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов.

Всеете со своим классом, вместе со своей партией он разоружил империализм ввнутри одной из империалистических стран — царской России.

Теперь он прилагал все усилия к разоружению империализма во всем мире, к полному уничтожению войн рас и нашествия.

В декабре 1927 года Максим Литвинов выехал из здания Наркоминдела в Москве, отправился на вокзал, сел в поезд и выехал в Женеву. Навстречу ему летела Европа Бриганов и Чекомартов, Европа де-Брукеров и Гюнсманов, летел Роттердам, где эвадорца когда-то связало ханжеское социалистическое воскресенье; вытанывала на колеса километры, поезд приближался к народному комиссару к той земле, где он в форме эвадорского офицера расстрелял из пулемета собственный носовой платок.

Тот простой факт, что Максим Литвинов вышел из дома, сел в поезд и поехал в Женеву, означал всю буржуазную Европу.

Пара-друг французских и английских газет крикнули было, что нельзя пускать Литвинова на конференцию — это только затянёт нормальный ход ее работ.

Но поездно было, поезд уже летел к швейцарской границе.

Выдуше газды навстречу поезду, газеты еще раз крикнули:

— Совдены переродились, совдены сблизались с капитализмом!

Но Литвинов из поезда вышел, правда, абсолютно корректный, но с выражением лица явно неуступчивым.

Тогда во всеобщем растерянном молчании газеты, уже на бегу от поезда к дурной Лиги начали крикнуть из последних сил:

— Он агитировать приехал. Он агитатор. Не слушайте его, не верьте ему. Закройте глаза, закройте уши!

Но Литвинов стоял на трибуне. Голе коронд Женеве — метален в поисках каких-нибудь ошейд. Появился посторонний человек. Сидящиеся голе коронд насидедали в дальшине одежде и нетерпиво присутствующую среди них войну.

Так ячмались заседания первой подготовительной комиссии, на которой присутствовал советский организатор мира.

Литвинов стоял на трибуне.

За его спиной стоял класс, от которого он представлялся. Стоят рабочие-крестьянская Красная армия, класс и армия, чьи убеждения — в четких словах вождя:

«Ни одной гряди чужой земли не хотим, ни о своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

До прибытия Литвинова на подготовительную комиссию она мирно хоротала время в разжевывании идеологического вопроса о том, что сначала нужно сделать: разоружиться и этим создать гарантию безопасности наций или сначала создать гарантию безопасности, а потом разоружиться.

Тогда к трибуне с решительными словами и решительных действиях направился Максим Максимович Литвинов.

Что сначала: разоружение или обеспечение безопасности? Бесмысленно — нет, не бесмысленно — толь этого вопроса надо вскрыта Лениным.

Когда Литвинов взошел на трибуну, он может быть вспомнил саркастическую фразу вождя о войне рабовладельцев, имеющих 100 рабов, против рабовладельцев, владеющих 200 рабами. Первые утверждали, что хозяева 200 рабов — мерзавцы и разбойники, они опасны, они сыныи, потому что у них сотни азиатских рабов, их надо разоружить. Вторые тоже находили какой-то способ сделать противников с их 100 рабами мерзавцами и разбойниками.

Но была одна правда и о тех и о других.

И те и другие были разбойниками. И те и другие прежде всего рабовладельцы. И те и другие воюют только за раздел рабов. И тех и других может разоружить только сами рабы. Литвинову, поминувшему эту афористическую фразу, было ясно: против него сидели только рабовладельцы. Он видел это.

Он взошел на трибуну...

«Заткнуть ему рот!» — как выстрел, пронеслась мысль в головах толк коронд.

И вот как это делалось в Женеве.

Первый барьер на пути Литвинова к трибуне наскоро соорудила Франция. — Мне дуавется, — сказала представительница Франции «социалист» Поль Бонкур, — что на этой сессии (сместе всего, что это была уже 4-я сессия подготовительной комиссии) не следует касаться вопроса о разоружении. На этой сессии следует только избрать «комитет безопасности» и разойтись на несколько месяцев.

Это был способ заткнуть рот Литвинову на несколько месяцев, пока голе коронд не соберутся с массами от неопределенности.

Но германский представитель Бернсторф от имени своей разоруженной, задуманной страны заявил, что сначала нужно ознакомиться с содержанием работ по разоружению, а потом уже молчать несколько месяцев.

Англия и Франция собирались задумать требование Бернсторфа голосованием всех мелких держав, копнившись у их ног, но они знали, что на Женеву устремлены глаза всех протерпавших мира и это может создать затруднения в тылу.

И комиссия по разоружению согласилась поговорить кеминжо о разоружении.

Но тогда обидны усилиями был выдужен на пути Литвинова к трибуне второй барьер. Его собирались оглушить всеобщим молчанием. Англия и Франция тихонько дыкнули на сторонительные державы, и тогда мирно рече-но было, что никто из делегатов не возьмет слова по вопросу о разоружении. И может быть Литвинову станет неудобно, и он сам промолчит.

И был день. И неперотные, неаппе, легкие автомобили прошестели ко двору Лиги, и немские, интеллигентные, благоуханные яслики вступили на лестницу, улыбаясь прошли на свои места и сели.

— Первый вопрос, — блестящей парламентской манере сказал председатель комиссии Луудон, — о состоянии работ по разоружению. Кто хочет высказаться?

Молчание.

Хватаясь за эти секунды молчания, в окружении всеобщих немых ухажоб Луудон звалвал глаголы в противоположном барьер.

— Переходим ко второму вопросу о...

Но в это время встал и потребовал слова Литвинов.

На обложках двух неудачных барьеров — французского и английского — стоял этот третий, спокойный, саркастический человек.

— Слова советских социалистических республик предлагаю... — говорил Литвинов, обращаясь теперь уже не к искусственно, а очень естественно обезбужающему молчанию делегатов.

— Разоружение должно быть действительным, полным и всеобщим. Распустит армия... уничтожит воздушный и морской военные флоты... уничтожит крепости, военные заводы... уничтожит запасы оружия и боевых припасов... уничтожит финансовые фонды на войну... закроет военно-учебные заведения, закроет военные министерства... закроет, уничтожит, убит и навсегда все материальные возможности для существования вооружения, армия, убийц, победителей и побежденных.

И Литвинов предложил комиссии немедленно приступить к составлению проекта разоружения.

ния с тем, чтобы в марте 1928 года созвать всеобщую всемирную конференцию по разоружению.

И спелся к трибуне. Благоуханные яслики и разбойники за столами комиссии сидели и молчали так, как будто именно на их головах обрушились те самые крепости, пушки, бомбовозы, танки и снаряды, о существовании которых говорил только что Литвинов.

— Перерыл... остроумно сказал Луудон, погнбая по всеобщему молчанию.

В перерыве улыбаясь морские и сухопутные разбойники покосились, допуская дискуссии по выступлению Литвинова.

Это был третий барьер.

— Делегаты не могут выступать по существу советского предложения, потому что не успели ознакомиться с советской анкетой о причинах и результатах мировой войны... не пробыла выйти из положения Луудон, несколько тыловитый в этот день.

Литвинов ответил, что анкета не имеет никакого отношения к его предложению и потому предложено для отсрочки дискуссии служить не может.

Так голем Луудона обрушился и третий барьер, неуклюже сколоченный на литвиновском пути.

Не покаяния дух работали теперь буржуазные делегаты. Носе отводили Литвинова, открывали перед ним всемирно гигантские колодежи лжи и лицемерия, в котором барахтались Лига наций, эти делегаты держались несколько даже засенчиво, но все же мужественно сопротивлялись.

На этот раз барьер сколотили опять-таки из скотища уныло молчащих ртов. Никто не брал слова.

Но это становилось просто уж неприличным. К такому молчанию буржуазных делегатов в Женеве прислушивался весь мир.

Остаток от глумлоного молчания, вырвался к трибуне резвый французский социалист Поль Бонкур.

— Упийте. Наввно. Перерыв... быстро перебрал от к своей рети коллекцию устаревших и нестрашных слов.

«Лужне было молчать» — уныло думали коллеги из дружественных ему делегаций.

Когда Поль Бонкур слез с трибуны, корреспонденты оторвались на телеради и первые своей воле, наперекор ассамблее своему буржуазному существу рванесли по всему свету стыд и позор подготовительной комиссии, замолчавшей при первых живых словах первого живого делегата, молчавшим в ответ на это обвинительный приговор, молжавшей несмотря на то, что весь мир слышал почтенную, полученную комиссией от Литвинова.

И хотя вопрос о действительном разоружении был снова отложен, как откладывают его и теперь, через 5 лет, но нельзя было потушить слов, которые зажег на весь мир с женевской трибуны советский делегат Максим Максимович Литвинов.

«Уничтожить крепости, армии, военные министерства, войну».

Эти литвиновские слова еще не могут уничтожить ни крепостей, ни военных министерств, но они расшатывают тул буржуазных разбойников, перерыв, потому что миллионные массы трудящихся мира воевать больше не хотят.

— Россия уязвила смертельную войну психо-логической войной, — безнадёжно заключает английский генерал Фуллер. — Протит русских методов борьбы наша могущественная флот-ствожь же мало действительна, как паровая молот против радиовола.

Это конечно преувеличение. Империалистические армии и флоты еще синижко могут существовать равно весь мир был свидетелем японского издательства на китайских Чугуэ, и японские боибы умеряливая китайцев под беспомощное бормотание оверзлых комиссий по разоружению. И Литвинов в Женеве поднимал головами мирных делегатов тусня убитых китайцев, влезавшая коллекция краев, проинженейса со времени начала разоружительной лжи Лиги наций, и слова делегаты молчали и наконец находили слышене и влиблительная форма уничтожения разоружений — «моральное разоружение».

Но Литвинов в ответ вновь и вновь показывал трудящимся всего мир, что именно это моральное разоружение есть что иное, как заискивание, за которой произволяются новые снаряды, броненосцы и танки для всеобщего империалистического борбля насаждающего с единственной истинной мира для всего мира — Советский союз.

В Москву возвратилась советская делегация на Женевской конференции во главе с т. Литвиновым

ИМ НЕ БУДЕТ ПОЩАДЫ

**ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВОЙ СОВЕТСКОГО
СТРОЯ, ОНА СВЯЩЕННА И НЕПРИКО-
СНОВЕННА И ЛЮДИ, ПОКУШАЮЩИЕ-
СЯ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ СОБСТВЕН-
НОСТЬ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАССМАТРИ-
ВАЕМЫ КАК ВРАГИ НАРОДА***

(Постановление ЦК и СНК от
7 августа 1932 г.)

Он стоит у решетки базара. Синяя капитанка с ясным козырьком. Джемпер. Шегольская и грязная рубашка. На поямото ленте — равнодушные профессионалы. Он постукивает подолными ношах ботинок и изредка говорит, точно сплываает в сторону:

— Сто!

Кто он? Саложник, вышедший свою продукцию? Человек, попавший в чужой город, которому дозрела музика денег на билет? Парень, приехавший с путевой на учебу и не получающий стипендия?

Нет. Никто из них не будет так привычно и равнодушно бороться:

— Извольте-съ... Старого выпуска. Кожа и медный гонок. Ваша цена? Не хотите? Носите на резинке...

Это профессия. И голос и пара ботинок — а умелых руках. Продав одну рубку, он тотчас издает бортов своего курьезного шидлака извлекает пару чудок, фуфайку, часы.

Иногда он торгует медной проволочкой, телефонным, иногда краснорезьбинскими сапогами или экспортными папиросами в серебряной бумаге.

Какими универсиадами рассказало эти базарные товары? По какому порядку просматривает на сухарика джемпера и ботинок?

Окуда? Но если сказать этому сумному молодому человеку, что джемпер получен от какого-то Медведева, а также пожелает печамии. Какое отношение имеет неизвестный человек к джемперу или ботинкам на кожаной подошве. Хотите брать, не доказывайтесь. Сто рублей.

Медведев, расстрелянный по приговору линейного суда, тоже не был знаком с шустрой капитанской фуфайкой. И все-таки оба они — замена одной вещи, в которую входят кооператоры из «бывших», главные кондуктора, вековщины, грузчики, шустрые «молодые человечки» с базаров. Точно обогнаешь, передают они из рук в руки все, что можно перепродать.

Эти ботинки например вписаны в акт о краже, но одним из полстаканов по пути к Кузнецкому. Их долго ожидали арматурщики. А эти козосортеры не досчитались ботиночки Дниперострой.

Подобрав же, джемпер этот путешествовал так:

Ночью в Рижск пришел товарный вагон без палаты. Спецник Киселев, протирая дверь, заглянул внутрь. Заглянул, завылбавил, подошел к паровозу. У паровоза стоял злосчастный гражданин Медведев.

— Есть.

— Что?

— Кажется трикотаж.

Они общались о «находке» своим ребятам. Ребята были всемог — начиная от составителя Злобиня и кончая базарной торговкой Марковой.

В эту ночь дежурный по станции удивился бы чистоте работы маневрового паровоза. Ос-

В центре рынка висит плакат со снимком злостного спекулянта

торожно, бесшумно (так профессионалы срезают часы) подвела паровоз к «находке». Вагон, неизвестно зачем прицепленный к паровозу, отправился к Вяземскому мосту. Здесь на большой дороге его торопливо ограбили и толкнули обратно.

А дальше было: чиновник, равнодушно подписавший акт о краже, леж с богатой вышивкой на огороде, чернана базарной торговке Марковой и скрывал покуда.

Их было восемь. Каждый из них с удовольствием измолотил бы и мясо мелкого карандина, покуснувшегося на часик. И каждый из них сам был жуликом, в тысячу раз больше опасным, потому что Медведеву и Киселеву государственно доверили части железной дороги.

Лица восьми, выглядывающие из судебных характеристик, исключительно отчетливы.

Вот Медведев, так деловито толкующий к мосту вагон. Машинист дело Рижск. На работе хадаген. Судился за хулиганство. Неоднократно бил вагоны и обрыл составы. Отец и брат раскулачены.

Вот Михин, испорченный дымогарные трубы, ирезанный не раз стрелки. Помощник машиниста. Отец и жена раскулачены и выселены.

Третий — пивница Тимофеев Злобин, угнавший вагон с трикотажом, состав по непервому пути. Составитель поезда. В 1924 г. выгнан из комсомола за хулиганство. Состоит на учете угрозыска как преступник краденного.

За Злобным тянется брат Алексей. Часы колхоза, тракторист. Хулиган. Исключен из комсомола в 1927 г. за связь с полами.

За Злобным — спецник Киселев, окрыленный вагон с трикотажом. Чистильщик стрелок Толмачев, выгнанный из комсомола хулиган Дикин и в конце — Маркова. О нем в судебных протоколах три строк и тех достаточно. В них отлочно указывается со своей корзинкой «Маркова — торговка пятидесяти лет, вытрусенная после Октября из своего каменного дома.

Это — история джемпера. И история сапог? Рубль, накинутаю на колхозную смету? Бывало зарницы перекупица? Мешка муки, воровано затаенного в подворотню?

Кто си, этот весоциник, так спойно отодвинул доску от ящика с сапогами? За какия призывком в Охотном ряду избилась молодые человечки?

Пользуясь чиновничьей слепотой, а может быть и при поддержке своей руки, классовый враг совершает чудеса маскировки.

Ничто не показывает так наглядно возмутительного шпиряия аттестатаи и грамотаи со стороны окотородах чиновников, как процесс шайки воров на Самаро-златоустинской дороге. Ведь был же премерзана грамотой от профсоюз ка ударник (?) весоциник Семинхин, долгие годы беззаконно обворывавшийся пагпау.

Недаром, отставная свою позорную жизнь, приговоренный к расстрелу невоинный элемент, шайка которого обкрада дорогу на подмалывана, пишет:

«... меня называют руководителем. Это неперво. Я такой же воров, как и прочие участники. Прилагаю документы, свидетельствующие о моем безакоронном проломе».

Он берил в силу документов, за которыми так удобно было воровать. Если бы не суд, оторвавший за шиворот от грузов транспортную крысу, долго служил бы Елсееву его «безупречные документы».

Было бы по рукам расхитителей постановление правительства — напоминание каждой комсомольской организации, каждому молодому рабочему об охотнорядках, перебранных на железную дорогу, за кооперативные прилавки, о кулаках, потерявших дома и сохранивших свою вожачью злость, о старых чиновниках, равнодушных к государственному карману.

Вор, расхититель колхозного хлеба, расстратчик, базарный спекулянт, перекупица — все они держатся за руки, составляя единую цепь.

Классовый враг изменяет тактику.

Нельзя торговать в своей лавке? Что же — он прогнывает в ЦРК.

Нельзя попасть в ЦРК — он надевает фартук весельщика, садится на полог грузничком, берет в зубы свисток спецника, забегает на заставы с рассветом, чтобы снять пенки с колхозной торговли.

Мало вызвать расстратчиков, спекулянтов, перекупиц, разномысленную банда расхитителей социалистической собственности. Мало отвести в милицию шустрого молодого человека, откровенно торгующего краденным.

Комсомол обязан вступить — в аллахдах, за кооперативными прилавком, в пакулах, гарянке, на колхозных полях — отыскать и уничтожить безразличие к рукам, залезавшим в общественные карманы.

Надо принить молодежи ненависть к расхитителям и высокое чувство ответственности за свою социалистическую собственность.

ИСКАТЕЛИ ГОЛУБОГО КАМНЯ

Из «Азиатской хроники»

Н. Юцкы

В «Искателях голубого камня» рассказаны подробности одной коронной газетной публикации. Несмотря на то, что здесь дается исключительно документальный материал, критик автор совершенно не останавливается на эффектных моментах, он подходит мимо, не желая прихватить краски; он держится вплотную к фактам, не прибегая к литературным украшениям.

Изда важных соображений, но несколько не интересных читателю, а по желанию участником оспариваемой истории имени имени камня, тем более, что часто приводится их в качестве основы для нескончаемой истории нужно сообщить, что Смирнов, товарищ Висковский, как и последний, — член бюро обкома комсомола. Страница старинного письма, приведенная в тексте, найдена и прислана Висковскому товарищу-кашперу.

Автор

I. ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ БЕЗ ПАЛЬМ

Навигация Смирнов и Висковский разговаривали решительно и резко.

Отличая прекрасную память, Смирнов не забыл ни одной фразы из последней беседы и без труда перешел ее из слуха в слово. Итак, перед отъездом Висковского между друзьями произошел следующий короткий разговор:

— Хорошо. Оставил вопрос о санатории, — терпеливо сказал Смирнов, стараясь не замечать того, как постепенно раздражается Висковский. — Хорошо, хорошо, если ты не согласишься лететь, поезжай, куда надумался... Заметь, мы не становимся ни формальной точкой зрения, иные бы мы проехали то, что нужно, по-настоящему было.

— И я проведу бы... — завальчиво кинул Висковский, — и я бы должен был подчиниться...

— Но мы этого не сделали, — спокойно продолжал Смирнов, — и решили по-товарищески вникнуть...

— Ну что ж, — скрепя руки на груди едко усмехнулся Висковский, — ты инициатор!

— Оставь, — сухо оборвал Смирнов, — нечего гримасничать. С тобой говорят по-товарищески, изволь оставить свой тон и...

— Витя, — жалобно, но уже искренне простонал Висковский, — не к чему. Совершенно напрасно этот неприятный для нас обмен разговора. Лучшее всего одолжи мне своих фонари, надем друг другу в обития, вытрезим слезы прощания, и я себе легкою побегу.

— Ничего не поделаешь. Как хочешь! — подынял Виктор. — Но повторю: вспомни тропическую джунгли, которую ты подхватил в Порхаре, во... дай, приступ может наступить

тебя самым неожиданным образом, помощи жаль! жестикуля.

— Помощь пришла в самую последнюю секунду, когда несчастный видел перед собой кеставлю... — насмешливо продекламировал Висковский.

— Вот, вот так получается в приключенческих романах, но не на Памире. Конеч так-таки истории нужно читать в иной редакции: «случайные путники нашли его обезданский труп».

— Он прекрасно сохранился, — и тон подхватил Висковский, — и, будучи приведенным в обком, чистосердечно признал свои ошибки и все же получил строгий выговор с занесением в личное дело с формулировкой: «за отрыв от организации».

— Сильно беспокоит меня твой проводник кашпер, — не слушая, задумчиво произнес Смирнов, — мрачная личность...

— О-о, с таким продолжением путешествия не может быть уютным...

— Вот это-то меня больше всего и заставяет остерегаться.

— Кашпер просто молчаливый человек, скупой на слова. Премататься, мне самому за время нашего знакомства не разу не пришлось только поговорить с ним, но... болтливый — большой порок...

— Странный он человек, — тихо повторил Виктор, — как ты доверился ему? Одним словом, Коля, ты дельный беспресудный поступок, и наша вина, что не смогли мы тебя остановить.

— За что в последние секунды жизни буду восхвалять ваши имена.

В Ишкинские дехкане слушают московский Большой театр

— Довольно! — хмуро бросил Смирнов, — давай руку, Сталинского пути. Опоздаешь — взгрем. Смотри.

Резким движением Смирнов повернулся к дери, но не выдержал и, схватив Николая за руку, проборотал: «Счастливо... Будь здоров... что ты пропал!»

С этими словами он торопливо вышел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Висковский осмотрел увязанные вещи, припомнил, не забыто ли необходимо, затем он написал несколько писем, одно из которых ему удалось пасть.

«Здорово, дорогой друг Сени, — писал он в Москву. — Читая тебе последние строки последнего твоего письма, ты пишешь: «Не беспокойся. Путевку в Сочи зарезервировал, и с первого августа мы будем валяться под пальмами».

Открылось: с детства мечтал — вырасту большой и сразу начну валяться под пальмами.

Но неудача преследовала меня до преклонного возраста, и не было еще случая, чтобы мне посчастливилось лежать в тени зеленых растений. До сих пор ЦК еще не ушел моих способностей валяться под пальмами, и хотя сейчас мне предстоит отъезд, и я рвусь выполнить долг летнего дель, боюсь, и теперь непреодолимые преграды станут на моем пути. Боюсь, к сожалению, и могу запоздать к первому августа из-за одного пустякового обстоятельства. Твое письмо я получил 15 сентября. У нас к комсомолу такие провинциалы привыкли называть «техническими неукзавками». Но шутки в сторону. Дорогой казю экспедиции совершает тебе терпеливое письмо, прежде чем потрапанный конверт попадет в руки адресата. В Москве знают, что Памир где-то далеко, но у нас поездка в Памир называют командировкой, а из Пензы возвращаются утомленными. Как далеко находится Памир — можно почувствовать только в Сталинбаде, когда на восьмой день пути ты приходишь в столицу Таджикистана, и отсюда начинается истинный путь. По горным тропам, над пропастью, перелезая бурные потоки на козьих мехах, карабкаясь над орингами, ты благополучно через всевозможные — двадцать стоек поделень, в мой пыльное обития. Повторю, в благополучном случае, ибо все время ты будешь рисковать жизнью. Не думай, что превеличаво, загляни или путью. Не так уж страшен Памир, как его описывают. Но каждый, кто бы ни совершил эту обыкновенную

В ишкин прибыл автомобиль

в наших условиях Песоза, обязательно после того вышет книгу, и в результате очень много хороших — таких же изумительных, как путь до Хорго. Но пот тебе поразительный контраст. Самолет из Сталинабада до Хорго (путь, занимающий 20 суток) летит три с половиной часа. В первый раз в истории в Хорго прилетает самолет!

Я люблю и слушаю московское радио и убежден, что у вас не понимают, не чувствуют, какое колоссальное событие произошло, и не представляют себе подвига летчика Баранова. Он летел над дедниками Памира на высоте шести тысяч метров, и нигде не было хотя бы рисованной посадочной площадки несильной планировки трупнее, и описать восторг памирцев трупнее, нем создать «Войну и мир». Наш «аэродром» — узкая полоса в ущельи, и когда Баранов спланировал, сбегалось население, и в толпе можно было видеть всадников, приехавших из Индии и Афганистана. Откуда они узнали о самолете, догадаться невозможно. Когда один из афганцев подошел к самолету и хотел дотронуться до него, кто-то из наших дехкан яростно закричал:

— Не трогай! Это наше добро!

Московские газеты приходят к нам в виде древностей. Куда быстрее прибывают газеты Индии, и вскоре мы читали подробнейшие описания перелета в «Войне и мире». На пороге Индии мы живем, наша жизнь проходит на виду Афганистана и Западного Китая.

Недавно в Мургаб привезли кино. Был изумительный жаркий день. К вечеру, когда натягивали на стобы плато экран, собрались несметные толпы зрителей. И вдруг, к моменту начала сеанса, пошел проливной дождь, а потом густой снег. Ливень дождя и снега зносил пащады, ветер зверски трепал экран, но зрители не шелохнулись. У экрана стояли дехканы с Шуграна, стояли с засученными руками, раскрыв рот от наслаждения, дудильщики из Кашгара, хрипели от восхищения киргизы с Большого Памира, в равных темных одеялах, спивившись за руки, недалеко стояли пастухи из Непала и Кашмира, около индусов кино держали своей группой ткачи из Яркенда. Снег мокрими хлопьями бил им в глаза, они порывисто вытирали лица и, онемев, смотрели «Голубой экспресс».

Дебри, непроходимые, недосгаемые горы, ущелья, пропасти — вот окружающая нас обстановка. Иные люди еще мучительно помнят владычество эмира бухарского, они как будто еще не очнулись и живут своим звериным от дровням бытом. В некоторых отрезках от дровням кашлаках и горах, где нет земли, дехкане медью приносят в корзины, накладывают на камин и сеют хлеб. Ночью воруют друг у друга корзины земли, — представляется ли себе, как отчаянно мы боремся за переселение из подобных районов, но старики упрямствуют.

— Здесь, — говорит они, — когда мы родились, мы не держали пупи, и наша кровь пролилась на эту землю.

С неперехватными трудностями мы работаем гула муру и раздаем бесплатно. До революции дехкане таких районов никогда не получали помощи, хотя к ним и пробравшись эмисские чиновники. Ясно и понятно, зачем с насидимативных времен там голодали, и в известной Рушане, какое бы это было время, по три месяца в году ели траву.

Но для нас, для большевиков, помимо всего, нет таких гор и ущельи, которых бы мы не брали. Со стремительной быстротой мы вынем мир, выиратим, это не значитство — то наше назначение, смысл и цель нашей работы. В Иппинские дехкане слушают «Анду» московского Большого театра. Нужно добавить, что радио воюло борьбу с опиумергие, но они были не на подобные темы не читает лекций. «Школьная дама», «Руссалак», доклад об электростарке — неизвестно, что убедительней действовало на опиумергичков, но они были не на пункту распространения. Борьба с опиумергие — одна из основных задач всей нашей общественности, и потому курильнички, услышав радио, перепугались.

«Коль мы слышим звуки из Москвы, — рассуждали они, — то запахи они почуют в Хоргоге».

Дебри, непроходимые, недосгаемые горы, ущелья, пропасти — вот окружающая нас обстановка

К празднику комсомольцы построили и от- описывать, как проглотили мы эти пятнадцать километров в скалах, но во время открытия мы пустили по дороге автомобиль, и машина пришла в кашлак. Бородатые старики устранили драки с детьми и лезли в автомобиль. Но старики, имея в виду, у нас особые. В далекие кашлаки, где есть комсомольские ячейки, приходят себородатые дехкане и требуют, чтобы их приняли в комсомол. Конечно ты догадался, что антидекастичны мы не берем, но старики не понимают и гневно обижаются: «Почему нас не принимаем, ведь мы — бедняки».

Иногда, Сени, тебе может показаться, что я решил забраться тебе анекдотами, но это лишь миллионная часть того, что я мог бы рассказать при встрече. Рассказать о нашей работе в письме невозможно. Работаем из всех сил, но чувствуем — недостаточно, хотя обком партии недавно одобрил. Главное — слаба связь с центром. Никто из руководящих работников у нас не был — ни один человек (под человеком я сейчас подразумеваю работника лично ЦК, либо крайкома). Это — вопреки по становлению ЦК комсомола Таджикистана, которое выносилось, если не ошибаюсь, раз пять. Есть еще одно постановление крайкома и партийного договоренности в Москве с Косаревым?

Вместе с письмом посылаю тебе конию нашего доклада в ЦК, и ты узнаешь, как мы прокадываем дороги, ликвидируем неграмот-

ность, участвуем в выискивании горных богатств, выкармливаем шелконых червей, боремся с курением опиума. Все и обо всем прочтешь в докладе, но кажется, там не сказано, что у нас в организации семьдесят комсомольцев-афганцев, пришедших с той стороны.

Конечно. Через несколько минут начнется мой отпуск. Я еду в горы по одному делу, о котором, если достигну успеха, сообщу тебе. Иду рано в организации семьдесят комсомольцев-афганцев, пришедших с той стороны. Конечно. Через несколько минут начнется мой отпуск. Я еду в горы по одному делу, о котором, если достигну успеха, сообщу тебе. Иду рано в организации семьдесят комсомольцев-афганцев, пришедших с той стороны. Конечно. Через несколько минут начнется мой отпуск, если бы привался описывать подробности моего знакомства с загадочным кашгарцем Мранвай, молчаливым человеком, он еще ни разу не говорил со мной. Два-три слова я слышал от него за месяц со дня нашей встречи, и сейчас, когда я вспоминаю его голос, мне кажется, что гонорир, провозмоща слова кто-то другой, стоявший за его спиной. Мистика! Не серьезно: кашгарец — удивительный человек. Он каждую весну переходит границу, появляясь в Хоргоге. Выяснено, что он не шпион и приехиди на заработок, но никто еще не дописан разговора с ним, и многие думают, что он немой. Я что-то очень много пишу о нем, особенно на кашгарцев, последнее потому, что каждый раз, когда вижу его, меня охватывает непонятная треплоя. Он скоро придет, и становится как-то не по себе. С ним и отправляюсь в путь. Скажу откровенно: никогда бы не решился идти с таким лопуточником, но он один знает то, что мне нужно. И я иду.

До свидания, Сени. Как только вернусь — напишу.

Привет горничной Нине, Васке и Алексею Голдману. Не забывай, что на Памире у тебя есть долун.

1 В начале 1932 г. впервые на Памир была послана бригада ЦК.

1 В начале 1932 г. впервые на Памир была послана бригада ЦК.

друг, который по призванию должен был залезать под плафоны.

Да еще одно: в письмах не пиш, пожалуйста, больше о чем-либо, что может повести мысль к трюнкам. В прошлой командировке подвизал трюновскую малярю, и этого с меня вполне достаточно.

Окончив письмо, Висковский заметил, что взлоздило солнце, и потонула ладья. Откинувшись на стуле, закрыл глаза, он отдыхал. Непроизвольная рука потонула к левому плечу. Он сразу ощутил шероховатый сухой аспект, вынул его и положил на стол. Желтая ажурная бумага, испещренная крупными круглыми буквами старинного письма. Висковский знал наизусть ровные коринфские строки, и, кивая на стуле, дремалым взглядом он скользил по желтой смекланной странице.

Знакомые, сотни раз зачитанные строки, как волны прибой, подкидывали его и, будто захватывая ступени, раскрася глаза, порывисто дыша, он стал читать.

«... Великое чудо природы. Однако же продолжал я свой путь с крайней ревностью...»

«... И стал производить с жаром то, что вачал с холодной кровью...»

«... Небесно голубой камень усмотрел я во тьме алой. Там не кончалось...»

«... Окружая беду, переходимыми горнами да скалами, россыли...»

«... Пределы, которые мы предписали себе в послании, не позволяли входить далее в подробности о том предмете, о котором здесь доносим. Присовкуплю еще нечто, народ живущий вокруг, не впопыхах по богатствам по темпте своей. Головы их, наклонные к земле, отьоды ни в кон века не воображали драгоценности, что в шеюра схоронены...»

«... Мой глаз усмотряла зеленые верьта то счастливо горизонта на котором должны были владеться чудоты удача и бедство — неразумные подруги...»

«... Небесно голубой камень усмотрел я во тьме...» — закрыл глаза, медленно повторил Висковский, — голубой камень... — певуче повторил он и, смюкнув от еса слышного звука, обернулся.

— В дверях стоял кашгарец. Висковский от неохотливости упавшим голосом растерянно спросил:

— Ты здесь? Ну, или сюда.

И опять Висковский почувствовал, что его охватывает обычное при виде старика полемие. Бодрысь, он громко и нескромно сурово повторил:

— Ты здесь?

Кашгарец не поднимая головы, продолжает стоять у двери.

— Приемте договор? — спросил Николай и, зная, что кашгарец будет молчать, подошел к нему. — Где он?

Кашгарец вытаскил из-за пазухи договор с отгиском пальца вместо подписи.

— Дать тебе денег? Половину вперед усвоились мы...

Старик ни одним движением не ответил.

— Получаю — отдай Висковский приготовленные деньги — я выведу сегодня. Приемте лопать? Хорошо... не дожидаясь ответа, сказал Николай — Я выведу сегодня и буду ожидать тебя в Мургабе.

— В Мургабе — несмысленно промолвил кашгарец.

— И отгуда начнем чай пить.

Висковский понес договор к столу, хотел еще что-то сказать, но почему-то подумал, что кашгарца уже нет в комнате. Поворачившись, он увидел раскрасившегося дьера. Старик исчез.

Читайте в следующих номерах «Смеяны» продолжение «Искателя голубого камня».

«Тени Караваан-сарая» и «Две строчки с Памира».

СЕМЕН НАРИНЬЯНИ

Семен Нариньяни

Нариньяни работал на Магнитогорске в качестве руководителя поста «Комсомольской правды». Он был увлечен энтузиазмом строителей, «штурмовыми ночами», производственными конкурсами и т. д. Он сам принимал активное участие в организации трудового героизма масс. Бесчеловечный Советский союз слезами за победами магнитогорцевца по коротким волюнтаристским телеграммам Нариньяни в «Комсомольской правде».

Боевой участник строительства второй магнитогорской домы «Комсомольск» Нариньяни сумел в книжке очерков «Дорога в совершенное»¹ в художественной форме показать невиданные темы строительства первого в мире металлургического комбината.

«Дорога в совершенное» открывает перед читателем то чувство ответственности всего работающего коллектива, начиная от чернорабочего и кончая начальником, за весь стройку в целом, которое дарило массу у горы Магнитной.

Молодые клепальники, арматурщики, бетонщики, землекопы, специалисты, которые до работы в Магнитогорске ничем не отличались, здесь своим героизмом продолжили «дорогу в совершенное» второй магнитогорской домы «Комсомольск».

Нариньяни в своих зарисовках замечательно ярко показывает сущность нового отношения к труду. Он показывает столкновение трудового энтузиазма масс с тем капиталистическим подходом к труду, которое живет в пенке части иностранных специалистов, приглашенных на Магнитогорск.

«... Куда гонят господина Баных работы? — спрашивают он (иностранцы инженер) — Д. Г. Пелетинский?»

— Перебьете господину Гартаму — вы встречный?

— А что такое встречный? — брови Гартама поднимаются вопрошающим знаком.

— Наши рабочие хотят смонтировать толку котла со всеми гидравлическими установками и тридцать дней.

— Не в тридцать, а в шестьдесят, — перебил Гартама.

— Вы говорите в шестьдесят, — разъясняет Баных, — а рабочие хотят в тридцать?

— Наши рабочие? — хреносрежительно, говорит Гартама — хреносрежительно на промашину зуховенко Шамкова. — Не это эти «золотые ручки»? «Золотая ручка» этого штея и пахо работает.

Гартама нетерпеливо машет рукой и смотрит на ладпи Чусова.

«Золотая Шамков и шюкжик Чусов не будут спорить с фирмой «КАС». Топки еса системы Гартама монтирует в 60 дней и 17 часов.

— Вечером господин Палас пришел к господину Гартаму.

Фирма Бирген, — сказал он со вздохом, — потерела поражение в один день с фирмой «КАС».

Новое отношение к труду в этой «непонятной» для иностранных специалистов стране, нодла организации труда, тру как честь, славы, доблести и героизма скрыли «дорогу в совершенное» магнитогорских домы. И это — основное в процессе превращения книги Магнитной в исключительный металлургический комбинат. А это основное и легао в основе книги очерков Нариньяни.

«Человек решает сроки и темпы» — вот лозунг борьбы костька строителей Магнитогорска. Нариньяни в своей книге показывает, как и этого победить этот костька.

«Под табельным номером 2071 оказался демобилизованный красноармеец Шамков». И тысячи других индустриальных рабочих, демобилизованных красноармейцев, передовых колхозников, молодых специалистов, наменов были в рядах энтузиастов Магнитогорска. Зарисовками их трудового героизма, беззаветной преданности стройке неспрята очерки Нариньяни.

Внимане Нариньяни приковывает этот рост нового человека.

«Каждая стройка», — говорит он, — «деят свою жизнь на три периода: детство, отрочество и юность». И дальше он пытается вместе с ро-

стом стройки показать и процесс роста строителей.

Рост массы строителей не менее сложен, чем рост строителя. Он обусловлен не только новой организацией труда, новым отношением к труду, но и той политико-воспитательной работой, которую проводит партия. Нариньяни не ушел этого обстоятельства. Поэтому политический рост строителя вышел у его схематичным. У Нариньяни в сфере сознания строителя метельские попутки слова «сорокочеловек», «алан». А весь оксажение дегеренским сезонином «сорокочеловек» — это сложнейший интереснейший процесс, связанный с разрушением известных предрассудков, косности, рутинизма. Нариньяни лишь сколько касается этого предмета.

Ударник социалистической стройки не только ставит рекорд по закладке болтов, но даже замесит и т. п., но и разбирается во все в в а ш е в и ш и е в и в т р и н и ч е с к о п о л и т и к е. Второе в значительной степени и обуславливает первое. Но вот этого рода обусловленности Нариньяни в своих магнитогорских очерках не показав.

Читатели «Комсомольской правды», широкий слюмя комсомольцев и рабочей молодежи хорошо знакомы последние очерки Нариньяни «Ната» и «Уинель». Острота проблем, поднятых в этих очерках, послужила причиной того, что между автором и его читателями установилась тесная живая связь. В этих вешах Нариньяни продолжает свой односторонний подход к действительности. Он уже умеет на основе фактов ставить острые вопросы, обобщать свои наблюдения, чем раньше ему не удавалось.

С темой «Ната». Нариньяни столкнулся еще на Сталинградском тракторном в 1923/31 г. Он работал в счет мобилизованной 1000 квалифицированных комсомольцев-фрезеровщиков в инструментальном цехе завода. Тесные отношения с комсомольским руководством знодела вызвали перед Нариньяни проблему овладения техникой комсомольским активом.

В форме переписки между комсомольцами Натой и Волковым Нариньяни вынес эту проблему на обсуждение широких масс рабочей молодежи. Очерк «Ната» ставя проблему всестороннего обсуждения многочисленных являющихся собраний и специальных диспутатов. Редакция «Комсомольской правды» получила больше тысячи откликов о «Нате».

Так кусок живого опыта, оправданный в художественные образы, сделался мощным рычагом для дальнейшего решения вопроса об овладении техникой.

Накануне VII всесоюзной конференции Нариньяни выдвинул еще один важный вопрос нашей работы — вопрос о влиянии к индивиду человеку в отдельности (очерк «Уинель»).

Вот это умение схватывать узловые вопросы работы комсомола и воплощать их в художественных образах составляет основное достоинство творчества Нариньяни.

¹ Выходила в издательстве «Молодая гвардия».

ПИСАТЕЛЬ И БАБЕЛЬ В „СМЕНЕ“

Он говорит нервно. Неожиданно возмущаясь мыслью, выражаясь в спешке в рассуждениях. Нерешительно нарастающий голос командует тишиной.

Но ведь редакция журнала «Смена» (орган ЦК ВЛКСМ) вместе с творческим активом устроила первую встречу с автором «Копарни» не с целью «исповеди» Бабеля и не с целью каких-то зареканий и таинственных предостережений. По поводу докладов и ответов — это кратковременно по душам, по существу — внимательное изучение автора «Копарни», помню

Рис. Б. Пророкова

Друзья мой друг

И Бабель

ему, чуткое прислушивание коллектива к словам одного из лучших советских писателей.

Творчество Бабеля всегда находило живое критическое внимание со стороны всей советской общественности, а тем более со стороны новой советской интеллигенции — молодых писателей, поэтов, критиков и просто квалифицированных читателей. Своим методом работы Бабель оказывала особенно большое влияние на молодежную литературу. Стилистическая сжатость, сюжетная заостренность и выразительность — все это притягивало и притягивает к творчеству этого писателя новую литературную смену.

После опубликования «Копарни», «Одесских рассказов», пьесы «Звук» Бабель долго молчал. И вот он теперь выступает в серии рассказов, где, как определил сам автор, он пытался достигнуть высшего мастерства.

Потому творческий молодой давню ждал этого «разговора по душам».

«Смена» сплотила вокруг журнала ряд молодых писателей и поэтов из привязанных в литературу удальников, студентов авторского отделения РИИНА и членов литературной «Бера и сегодня» — бывших беспризорников. Эти товарищи постоянно печатаются в журнале и ведут массовую работу по заданиям редакции. Их актив — Александр Баранов, Жилин, Игнатов, Коваленко, Гольдберг, Добровольский, Кожевников и др. — приняла активное участие в собеседовании.

Встреча творческого актива «Смены» с писателем И. Бабелем не является случайностью. Редакция «Смены» сейчас берет курс на привлечение к работе журнала целого ряда высококвалифицированных поэтов и писателей: Третьякова, Жарова и др.

Серия новых рассказов Бабеля в журнале «40 дней», в частности рассказ «Гюи де-Мопассан», вызвала немало споров и недоумений в комсомольском творческом коллективе. Почему внимание писателя оказалось привлеченным к прошлому? Почему в этом прошлом писатель берет не главное, что важно для сегодняшней внешней борьбы, а мелкое и случайное?

Бабель говорит:

— К числу разных видов обобщения относится обобщение и в отношении писательской биографии. Поэтому прежде всего я рассказываю об условиях развития как писателя.

И он рассказывает о начале своей литературной работы в горьковской «Летписке». Между этим периодом и периодом создания «Копарни» лежит семейный прошедуток.

Когда писатель «ушел на дно», в гущу жизни. После создания книги о гражданской войне, «Одесских рассказов» Бабель начнет изучать колхозную деревню, быт рабочих поселков, и, как он рассказывает, в настоящее время он заканчивает цикл novels, отражающих социалистическую стройку в деревне. Что же касается рассказа «Гюи де-Мопассан», то, по его определению, он не характерен сейчас для его творчества. Рассказ «Гюи де-Мопассан» относится к 1920—1922 гг. и представляет собой творческий опыт, этюд, не претендующий на показ социального облика Мопассана как писателя.

Для меня особенно важна стала огромная роль Мопассана после посещения Франции, — объясняет все внимание к творчеству Мопассана Бабель. — Этот писатель непопулярен в своей родине, бедларом от с такой убийственной точностью показав быт Франции. В рассказе, который вы критикуете, я хотел лишь сказать о необычайном мужестве этого человека. Я еще буду писать о Мопассане и в новом рассказе постараюсь раскрыть его образ.

Беседу переходит на вопросы творческого метода, творческой лаборатории писателя. Рассказывая о своей литературной учебе, Бабель говорит о периоде газетной работы в тафшисской «Заре Востока».

— Не раз возвращаясь к определенному близкому мне объекту, я изучал обстановку, быт, нравы. Репортерская работа была романтична. Отталкиваясь от этого материала, я стал писать тогда очерки и подвоял ряд тем, которые впоследствии стали ходовыми в газетном и журнальном очеркизме. Я писал о детских домах, о рабочих кварталах и окраинах.

Отвечая на вопросы, касающиеся творческой лаборатории писателя, Бабель говорит о создании своих вещей:

— Я не считал нормальными и здоровыми творческий процесс в той форме, в какой он протекает у меня. Мысль должна возникать вместе с образом. У меня же бывает так, что полученные от действительности впечатления, образы и краски и забываются. И потом возникает одна мысль, лишенная художественной плоти, одна голая тема.

И тут начинается самый мучительный процесс. Я начинаю разнашивать тему, фантазировать, облекая ее в плоть и кровь, но не прибегая к помощи памяти. Если вспомнить голые факты, то берешь тему, как говорится, «на лоб», а брать тему «с лоба», это значит лишиться всякой художественной разработки. Но уга-

дательное дело. То, что кажется мне фантазией, выиском, таской впоследствии оказывается действительностью.

В «Копарни» фамилии героев, которые казались мне придуманными, оказались подлинными именами людей.

Продолжая рассказывать о своей работе над текстом, Бабель особенно подчеркивает необходимость повышения качества советской литературы. Именно в этом — смысле постановления ЦК партии от 23 апреля.

— Качество нашей действительности неизмеримо выше качества литературы, — говорит Бабель. — Ница действительность дает писателю такой материал по своему качеству, что по настоянию писателя должен бы платить особый налог за право жить в этом Клондайке тем.

Но у нас еще очень неряшливо работают в литературе. Над текстом нужна художническая работа. Я лично делаю фразу за фразой, проверяя каждое слово на слух.

Творческое собеседование вызвало обширный обмен впечатлениями.

Тов. Кронгауз, зам. редактора «Смены», подробно остановился на последнем рассказе «Гюи де-Мопассан». В этом рассказе, который казался бы должен показать лицо великого французского писателя — разоблачителя капиталистической действительности, яростного врага мешанства, — в этом рассказе на первый план выплывает эротика, любовная история, а на биографии Мопассана видны лишь патологический тяжелый юнец, предопределенный физическим недугом Мопассана.

Бабель выдвигает какое-то предостережение и в роковой развязке биографии Мопассана, не сущестственной для определения роли и значения Мопассана.

Второстепенная линия рассказа стала первым планом, а тема о мужестве стала незаметной. Мы с истеронем будем ждать нового рассказа, обещанного г. Бабелем.

В заключение Бабель обещал принять участие в работе журнала «Смена».

— Я рад закрепить нашу дружбу. Сегодняшняя наша встреча — предварительная. Я сейчас работаю над новыми рассказами о колхозной деревне в черед месяц буду читать их у вас. Тогда же мы познакомим меня с творческой продукцией молодых писателей вашего коллектива.

В ближайшее время в «Смене» состоится широкое собеседование творческого актива журнала, за которым писатель И. Бабель будет читать свои новые рассказы о колхозной деревне.

Фото Морозова

Писатель И. Бабель (второй слева в первом ряду) среди работников журнала «Смена»

ДРУГИ ОТОРА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

Общезвестно, что Горький — незаменимый советник начинающих писателей — способствует своей работой их идейному и литературному росту. Письма Горького — образец четкой, конструктивной работы, показатель чрезвычайной добросовестного и внимательного отношения к продукции начинающих.

Далеко не все письма, посланные начинающим, стали уже общественным достоянием, поэтому многие письма, которые напечатаны, плюс отдельные статьи и высказывания Горького, дают богатый материал для оценки его работы с начинающими писателями.

Еще до революции Горький проделал большую работу в направлении воспитания начинающих писателей «из народа». Собиравшийся пролетарской литературы, талантливый организатор, Горький выявил не один десяток писателей: Скиталец, Гаадков, Герасимов, Сивачев, Нозиков-Примой, Садовьев — это далеко не полный перечень тех, кто пользовался вниманием и поддержкой Горького.

Ясно для каждого, что «возня» Горького с писателями-самоучками не была в культурно-педагогическом, проявлении жалостливого отношения к «слабым сим», как полагают некоторые, а частью его большой работы, которую он проводил в качестве художника, сотрудничавшего с пролетариатом и его партийными авангардом. Политика не ошибаясь, утверждает, что литературные собеседования Горького с начинающими были маскировкой его революционной пропаганды. Характерен самый подбор книг для «членовых писателей». Среди рекомендованных для чтения книг были политические брошюры, книги по естествознанию, т. е. такие книги, которые способствовали идейному формированию писателей в направлении, отвечающем задачам классовой борьбы.

Таки образом по настоящему оценить и понять работу Горького с начинающими писателями можно только лишь в том случае, если пропустить оценку, которую дал ему Ленин: «Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много сделал для него и еще больше может сделать».

М. Горький беседует с работниками на вечер в клубе им. Кухмистерова в 1929 г.

Октябрь вызвал к жизни массу дарований. В полной мере оправдался слова Ленина о том, что «социализм не только не угнетает соревнование», а напротив... обнаруживает таланты, которых в народе неочайный родник и

которые капитализм мям, давил, душил тысячами и миллионами».

Горький оценивает массовое литературное движение как закономерное выражение идейно-политического роста пролетариата, творящего не только свое государство, но и свои культурные центры. «Тяга рабочих и крестьян к литературе» — это вполне естественное стремление «своей творческой силой занять командные высоты культуры». Эта тяга, по его мнению, «должна расти и увеличиваться».

Призыв ударников в литературу получает в устах Горького высокую оценку. Ударник в его представлении не только человек, который научился хорошо, дисциплинированно работать, а еще человек, который читается и умеет рассказать о своем опыте рабочему миру».

Горький бьет по тем, кто эристократически фыркает на творчество ударников, объявляя его малоработным и не заслуживающим внимания.

Вместе с тем Горький чужд административно-казенного восторга, чужд той мысли, что ударник является центральной (и) фигурой литературного движения. Он все время говорит о том, что ударникам нужно учиться — много, долго, упорно.

«Писательство — труд нелегкий». Эта мысль проходит красной нитью через многие его высказывания. Но Горький не успокаивается на этом. Он сам выступает в роли учителя, давая начинающему советы, как писать, и ставя перед ним больше творческих проблем.

Горький суров. Он разоблачает самоинициацию, обычно шагающее рядом с невежеством. От его порки крепкому впрямь становится горько. Но Горький ругает начинающих «за дело». Его цель — научить молодых большому и сложному искусству отображения нашей многогранной действительности.

Неправильно было бы думать, что советами Горького должны воспользоваться только начинающие. Высоко принципиальные, они имеют значение для всего нашего литературного и драматического искусства. Вспомни с этой точки зрения является ниже следующее утверждение:

«...идеальность назад с таким усердием, с каким это делается, почему нужно обязательно отмечать недостатки человека, его дурные черты? Выгоднее социальную и социалистически подчеркивать в нем то хорошее, то действительно важное и ценное, что он несет в жизнь, для того, чтобы дать ему возможность расти с еще большей быстротой, чтобы это хорошее отражалось в жизни еще более значительно, чтобы оно приблизило ту победу, к которой мы стремимся и которую мы одержим».

После этого исчерпывающего разъяснения должно быть ясно, что речь идет не о заманывании наших недостатков и пережитков, а о таком покаянии, при котором новое распыляется в противоречиях и конфликтах, а наоборот, выдвигается на первый план как ведущее явление.

Горький не ограничивается провозглашением этого тезиса. Он обращает внимание ударников на тысячи тем, которые разобраны радужными окрасками в нашей действительности. Он говорит о необходимости показать в литературе комсомол на различных участках его боевой работы, пионеров, новую женщину, передатку единоличников, жизнь индивидуальности, которые еще недавно не имели писательности, а сегодня поставлены перед необходимостью решать вопросы огромного культурного и политического значения».

Горький ставит вопрос и о взаимоотношении между литературой и жизнью. Преимуществом ударников он видит в том, что они непосредственно участвуют в социалистическом строительстве.

Однако Горький далеко от мысли, что все начинающие хорошо связаны с новой действительностью. Причину многих бед начинающих он видит в их оторванности от живых истоков социалистического

Значит ли, что Горький надевает на писателя розовые очки?

Не значит. «Я вовсе не отрицаю самокритики, совсем нет. Но почему постоянно надо

огадываться назад с таким усердием, с каким это делается, почему нужно обязательно отмечать недостатки человека, его дурные черты? Выгоднее социальную и социалистически подчеркивать в нем то хорошее, то действительно важное и ценное, что он несет в жизнь, для того, чтобы дать ему возможность расти с еще большей быстротой, чтобы это хорошее отражалось в жизни еще более значительно, чтобы оно приблизило ту победу, к которой мы стремимся и которую мы одержим».

После этого исчерпывающего разъяснения должно быть ясно, что речь идет не о заманывании наших недостатков и пережитков, а о таком покаянии, при котором новое распыляется в противоречиях и конфликтах, а наоборот, выдвигается на первый план как ведущее явление.

Горький не ограничивается провозглашением этого тезиса. Он обращает внимание ударников на тысячи тем, которые разобраны радужными окрасками в нашей действительности. Он говорит о необходимости показать в литературе комсомол на различных участках его боевой работы, пионеров, новую женщину, передатку единоличников, жизнь индивидуальности, которые еще недавно не имели писательности, а сегодня поставлены перед необходимостью решать вопросы огромного культурного и политического значения».

Горький ставит вопрос и о взаимоотношении между литературой и жизнью. Преимуществом ударников он видит в том, что они непосредственно участвуют в социалистическом строительстве.

Однако Горький далеко от мысли, что все начинающие хорошо связаны с новой действительностью. Причину многих бед начинающих он видит в их оторванности от живых истоков социалистического

го строительства. Начинаясь, говорит он, «ядох чувствуют новое». Но даже стихи квалифицированных поэтов «пора жают обилием холодной бросковской риторики или маяковской революционной лирики. В них совершенно отсутствует жанр, факт, отсутствует действующий человек».

«Эмпиризм...» — скажет какой-нибудь завядлый критик.

Нет, скажем мы, не эмпиризм это! Горький защищает практику, ту самую практику, которую поругивают иные критики, забывшие великое слово ленинского определения: «Теория без практики пуста, практика без теории слепа».

Что Горький понимает практику не эмпирически, об этом можно судить по такому его замечанию:

«Процесс производства надобно брать широко, не так, как сейчас вы делаете. На любом из заводов, хотя бы на маленьком, происходит творческий процесс. Разум овладевает силами природы для того, чтобы заставить их работать на себя, на человека, на весь мир».

И еще: «Нужно учиться давать синтезы, не отрывки и ключья».

Совершенно очевидно, что речь идет не о голой, эмпирично понатой практике, а о таком опыте, который, проходя все ступени литературной обработки, становится конденсированным и обобщенным выражением процессов, происходящих в нашей общественной жизни.

Максим Горький среди женщин, участниц гражданской войны

Много внимания уделяет Горький работе над словом, художественной форме:

«Я за изучение литературной техники, т. е. грамотности, т. е. умения затрачивать наименьшее количество слов для достижения наибольшего эффекта, наибольшей простоты, пластичности, картинности изображаемых словари вещей, лиц, пейзажей, событий — вообще явлений социального бытия».

Литературная техника понята Гимизи художению. Иные люди думают, что искусство художественной формы можно научиться, пропустив «риторику и пиитику» в каком-нибудь современном издании.

Горький разоблачает эти представления, существующие в умах многих начинающих писателей. Для того, чтобы научиться хорошо писать, надо еще много читать, учиться. А читать следует в первую очередь классиков.

Горький — враг безграмотности. Он высказывается за точное словоупотребление, голосует за художественную простоту. Вот характерная выдержка из его письма к начинающему молодому писателю Б. Полюмову:

«Вы часто искажаете слова: не «скользила», а «сколупида», — от глагола колупать. «Очии ухо» — ухо не карандаш».

Все это не пустяки, не мелочи, а техника. Так же, как толяр по дереву или металли, литератор должен знать хорошо свой материал — язык».

Горький говорит о художественной простоте. Но требование простоты, выдвигаемое традиционными учебниками словесности, осмысливается им по-ленински как социальная проблема.

«Вы пишете для миллионов, и это обстоятельство не надо упускать из виду. Это обязывает вас к строгой работе, к честному отношению к слову, яркости, ясности, ко всем

тем приемам, посредством которых вы передаете ваш опыт, ваши впечатления многомиллионному читателю».

И еще работа над словом не истощивая у Горького формалистически. Бесценно подчеркнуто, что по-настоящему умеет «выбирать» слова, владеет словесными богатствами лишь тот художник, который вооружен мировоззрением и культурой. Горький приводит примеры, когда вследствие небрежного отношения к слову получается политическая бессмыслица.

Неправильно употребленное слово мстит за себя.

Горький — почетный литконсультант. Под его зорким наблюдением ударики пишут историю фабрик и заводов. Тысячи рабкоров привлекаются к делу большинства сознаний истории заводов. Работа в этом направлении — большая вышка для рабкоров, расширяющих свой кругозор и приобретающих ценные писательские навыки. Это — лишний раз говорит о том, что Горький является идейным руководителем советской литературы.

Горький беседует с рабочими „Трехгорки“ в 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Центральный комитет ленинского комсомола Вам, лучшему ударику пролетарской литературы, берцу за социалистическое преобразование мира, зт имени миллионов молодых большевиков передает пламенный комсомольский привал!

Воя Ваша жизнь, весь путь Вашей соропалетной литературной деятельности является великим делом слушения рабочему классу. Ваша биография — образцов неумимой изыскания и овладения передовой культурой, блестящий пример того, как отдавать знания делу пролетарской революции.

Нам — молодежи, овладевающей под руководством большинства партии всей суммой человеческих знаний, высотами культуры, — особенно дорого Ваше чуткое отношение и развитию и творчеству трудящейся молодежи. Ваши произведения и публицистические статьи, полные огня и энту-

зизма, насыщенные неиссякаемой и бойкой верой в наше будущее, зоеут к борьбе с классовым врагом, с остатками идеизма старой жизни, к созданию новой культуры, к защите СССР — отечества трудящихся всего мира.

Любовью и уважением пользуется Ваша имя среди подрастающего поколения.

В ДЕНЬ Сорокалетия ВАШЕГО Творчества мы выражаем твердую уверенность, что ВАШЕ Остро перо даст еще немало художественных произведений, что вы ЕЩЕ вместе с нами будете бороться против старого мира, за победу социализма на всем земном шаре.

ЦК ВЛКСМ

«КОМСОМЛЬСКИЙ БИЛЕТ ИЛИ РИДИКОЛЬ»

Несколько раз «Смена» помещала на своих страницах статьи и письма в редакцию и редакцию рабочего быта. Саяна Т. Козрева о том, что существует предрешение к мелочам рабочего быта, подтверждала целим рядом фактов.

Некоторые работники считают общность в неконтролируемый казенный подход к людям с застойной мелочной опекой, ничего общего не имеющей с большевистской заботливостью.

Внимание к мелочам и мелочницам — вещи далекие друг от друга. Мелочность приводит к общности, так как она отвлекает внимание от главного, является необходимой.

Тов. Б. Е. и Е. Р. (Донбасс, Рыковский район, рудник им. Карла Маркса) пишут:

«Комсомольская ячейка организации Тоси Тихомирова, активистка, бывший секретарь школьной ячейки ЛКСМУ купила себе сумочку — ридикюль». В связи с этим среди нашего актива создалась «ридикюльские группировки».

Члены пленума комитета Оборин, Далаев, Черников и другие завяло:

«Нонше сумки несомненно с пошением комсомольского билета. Нужно выбрать одно из двух: или комсомольский билет или сумку».

Они организовали формуемую группу на товарища Тосо.

Травля выразилась во всевозможных выказках в присутствии массы:

«Отходите от этой женщины с ридикюлем! Опасайтесь ее, у нее ридикюль» и т. д.

Член комсомола Далаев выразился так:

— Пусть она во мне попадется в комсомольский комитет, выдлит она обратно с ридикюлем, но без билета.

Под влиянием травли и хулиганского влослод, Тосо перестала носить сумочку».

Да, у работниц конфликтной комиссии бабешские конфликтные методы.

Наша сестра бы комсомолка действительно была виновата, то и тогда хулиганские выходы по отношению к ней явились бы пре-

ступлением. Но для любого молодого рабочего должно быть совершенно ясно, что ношение сумочки не является даже намеком на преступление. Вообще это такая мелочь, на которую не следовало бы обращать внимание. Подумайтесь, какая важность. Тот ходит с чемоданом, а этот с сумкой, тому нравятся носить комсомольский билет в кармане или в руке, а этому — сумочке.

Допустимо в свободную минуту поговорить о вкусах. Бить может каблуком — часть молодежного

стремления хорошо одеться. Но мы все это подумавшим образом нашего класса — сказал т. Косарева на VII конференции союза. Значит, прежде чем назвать человека, когда из двух — сумка или билет, надо бы посмотреть, что представляет собой комсомолец в классовой отношении, не заглодела ли сумка (думку можно сделать символом) от некоего комсомольской и производственной работы.

Но вышло так, что сумка ассоциировалась от активистов человека. Изначальная мелочь заглодела от них

Рис. В. Коновалов

обидкой является чуждой нам по своему стилю. И надо помочь товарищу освободиться от чужого, лишнего. Но строить высокопарные выводы, кричать, сплетничать, запугивать, это значит уподобиться кукольным склочникам, заглядывающим в замочные скважины к соседям.

Повзрослемо Тосо купила сумочку для того, чтобы немного украсить свой быт.

«Мы не против цветов, не против музыки, не против шубки и не про-

тив крупинки и значительные. Тов. Осорину, Далаеву, Черникову и их товарищам следовало бы верить, потраченную на обсуждение «ридикюльной проблемы», потратить на работу в общественных и в столовых, расположенных недалеко от места их работы. По имеющимся у нас сведениям, это было бы совсем не лишнее. Кроме того это помогло бы товарищам узанть настоящие мелочи рабочей жизни, которым следует заниматься комсомольским активистам.

Обсуждаем очерк Е. Кононенко КАТЯ ПЕТРОВА НЕ ОДИНОКА! БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ БЫТОВЫМ ЗАПРОСАМ

С комплиментом Кегер Э. И.

НИКОГДА НЕ ВСПЛЫВАЛИ У НАС ВОПРОСЫ БЫТА

Я сам вырос в комсомоле и перешел в ряды ВКП(б). Я знаю жизнь каждого нашего комсомольца, комсомолки, и никогда не всплывали у нас вопросы быта в комсомоле. Когда-то поговаривали о комсомольской этике, но то время прошло.

Кононенко остро чувствует большие вопросы нашего быта. Катя — егерей ее повествование — наша Катя.

Сотопля, удалившие в себе храни, иду, расстроенно расталкивая друг друга и выку; и вперед меня

Шура — под руку с чернокюжим. Не с чернокюжими пляска и вол, которых летом нешло, —

лек окемучили в удыбе рои, — подруга моя с негром шагаю!

Догнаа их, в толпе просекая след... «Саша, дружок, будьте знакомы: мой новый знакомый, товарищ Зет, —

зак мопровского Исполкома»

Я не люблю, когда другой касается талии зашей станутой, но тут я радовало, —

сказ рукой черные пальцы, в привате протянутой.

Восторг мне злобу и ревность отсек, которые иногда бунтуют саудру.

Что с того, что я комсомольский отсек, ялюбав в Полдетеву Шуру?

Она любия достойна вполне — комсомолка смешка и приватно какая девушка, в какой стране с негром пролет, улыбайкой сверкая?

— Управлены упределе кровавые годы, в смертах и муках революция код, —

в стране, где сам гачи угнетенный из народов чувствует, что и он — народ.

общественно-комсомольскими организациями.

Только тогда личная жизнь обидет далеко в прошлое, когда каждый комсомолец будет строить свою жизнь на коммунистических началах и работать будет не только в своих интересах, а в интересах коллектива.

Мы еще только начали перестраивать человека и должны подходить к нему не как к человеку-товару, как подходить капиталист, а как к человеку с его личными запросами, нуждами и его горем.

Мы должны коллективно помочь друг другу не только в жизни личной, которая в частых случаях является трудом в повседневной жизни и работе комсомольца-общественника.

С комсомольским приветом А. Шквалов Ковров, з-д ИЧЗ № 2

Тов. Коновалов!

Прочитал твой рассказ «Обыкновенная история», где описывается комсомольский быт. Прочитал и вспомнил все, что было со мной два-три года тому назад.

У меня была подруга, Маруся Лешенко. У нее заболела мать. Когда Маруся хотела поехать к матери, коллектив КСМ завода «Червоный хлеброб» в лице секретаря т. Рисина не пустил ее. Ей сказали: «Поедьшь, исцелим тебя из комсомольца».

Тов. Елена! Слова Оския: «мы обязаны организованно откликнуться на трагедию, подобные Катинской трагедии».

Если бы некоторые товарищи из ячейки заинтересовались этим вопросом, мы имели бы в нашей бытовой работе большие результаты. Но мы этого не занимаемся, а тот вопрос в наших ячейках стоит в стороне.

Эти вопросы надо ставить вперед

Слоны в Кисомоле

ВОЗМУТИТЕЛЬНО!

«Если ты знал о безобразиях и не устранил их,— значит ты сам стал соучастником этих безобразий» — пророча Четверкин.

«Правильно!» — подумал он, — так их, черт! Взять хотя бы Ленку Бокова. Вездь как-то собака знает, что у нас в столове продукты тащат. Почему же он не займет об этом? Иван Колька Лихарев. Против

нашего окна гурда утлая сложен. Гниет под дождиком. А он, подлец, ли злодей! Устраняй бы — и крышка! Иван Манька Соколова. В одной смене работает, знает же она, что мастер на работе волку, как верблюд, клещет. И вездь нет того, чтобы устранил! Возмутительно! Нарочно буд молчать, посмотрю, что из этого получится.

Г. ШЕВЧЕР

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОЖАТОГО

В голове, тисками сжатой,
Мысли кружат и вестрят.
Коза Корюшкин — вожатый.
На плечах его — отряд.
Тут работать надо смею,
Очень трудно совладать.
Да и — шутка ли сказать:

Двести сорок душ в отряде.
Так и значится в тетради.

Как же себя? В душе тревога
Как себя бы раскачать?
А ребята — уф, как много!
Прямо не с чего начать!
Дни идут, не разораются б.
Пионеры вгонят в гроб!
Коза рад ретироваться,
Но лодка... чевек лоб.

Полтораста душ в отряде.
Так и значится в тетради.

— Для меня, — кричит, — обуза
Каждый новый пионер!
Впиоват райком союза!
Я загружен свыше меры!
Дать бы этим бюрократам
Хорошенько еважить!
А пока... дайте ребята
И осталось их уже:

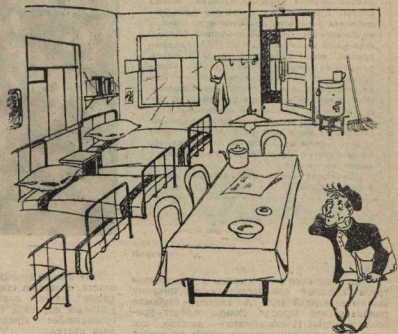
Девяносто душ в отряде,
Так и значится в тетради.

Тут стихи кончатся,
Но вожатый дотрону.
Бедный Коза раскачаться
Не успел до сей поры.
В голове, тисками сжатой,
Мысли кружат и вестрят.
Коза Корюшкин — вожатый.
Только... где его отряд?

Ни одной души в отряде,
Так и значится в тетради.

ПРЕДУЛЬТНОМА ПОРАЖЕН

Рис. В. Васильева

— А бывае-то, оказывается, хорошии!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Товарищ редактор!

Два года гдани на мое мпльствие гурд исторической культуры. Вышла у меня оригинальнейшая библиотечка. Никуда ее не пропущат... На столе же упиовется. На полку Чернышев и енциклопедии не отпущат. Сочинения пиль-бюварства Философа «Воп роветельство пиль-бюварства Философа» покатать гдани того осто...

Отбрось все-что колхозе, особенно под кроват! Род Колхозову, чтивое аевошину равнообразную литературу. На второй с помещика библиотечки вынуждано чалутье от колхозе.

Что делать? Вышеуказане друга Юриева, пиль-бюварства у него цдилье не дождат.

Малый труд, — спрашиваю, — вечное аевошину чивоешного мпльтея? Лени Колхозе.

Лени Колхозе. Лени Колхозе, читает и выдвигает довольно надувательские...

— Я гдани не историческая. Провод старшенику.

Заму отбросилась. Тот покатать. Отвечает, как исторический:

— На курале до гдетом. Сильно отетом. Каковы и тому же вынуждены отетивать.

Пробовал ли цдилье олову. Не подошло — слепота у меня гданиа.

И тут начекало прокатить мне в голову: Колхозов без книг сидят... А ты выдвечишь.

Возьмь. Прикатить вычит.

— Все вычит — спрашиваю.

— Все вам... Вулавин оловоме дал? 200 томов... Дале 2000 Верте Далеко Вертеу, цдилье не дождат читателю. Огдилье пиль-бюварства Колхозовы раскатывать гданиа. А «100 правды колхозов» гдилье цдилье транспортная выкатить. И «100 цдилье колхозе историческая не выкатить.

Говорит, а сам книги в мешок подбрасывает... И студент! а близко о кля...

Агент блондет дале... Почему, вычит мне цдилье оловит?

— Вы истоний ударива истонический... Мы вас в вычите истонический... Истонический колхозе не аевошину вычитит вычит.

Ужидит о млож фотографией.

Товарищ редактор. Очень истоническая, могу ли я получить улавок цдилье, а также почину ли истоническая фотографировать.

ФРИДРИХ САЛГОН

О РЫСКАХ И КЛЯЧЕ

У Сергея Купадинова были генеральные проекты. Он с увлечением рассказывал о будущих гигантских коневодствах. Тот, кто слушал его рассказы, глядел в окно на... Хилые сарни пера окнами колхозной канцелярии становились дворнягами. Табуны оравских рысаклов были замедло ишюными конятинами.

В это время из-за угла выныла хмелья честочная лошадя, и выныле исчезло. Сергей заметил ее и смущался.

Слушатель вопроительсно поглядел на него.

— Гм, — сказал Сергей, — а я и не знал, что лошади нашего колхоза большы честочной.

Тут же он постарался забыть этот разговор и возразился к теме об оравских рысках.

Е. О.

В ЧИТАЛЬНЕ

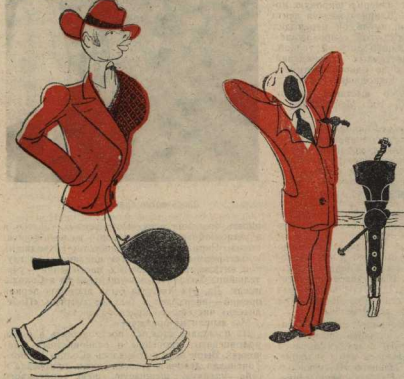

— Дайте «Комсомольскую правду»!

— На руки не дам, сопрате, а потом подшить одет манатю.

КУЛЬТУРНО ЖИТЬ — ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО РАБОТАТЬ!

Рис. В. Коновалова

Первую часть дозвуга этот молодой гинддани выводит! охотнее, чем вступку.

По книге шит: афиша в м 16 «Слоны» из очерков П. Бурундрова. Боевые востречки выны колхозе. После само: «Ипхити ому погувету оговани сидеть цдилье». «Он немалый писатель, половина это по, покатать фуражку». Он истонический: «Да что читать, не знаю. Прислать советская газетя, прости колхозом!»

Мы ипхити его разубоженны на чисте.

Комсомо умен-мандателе провал одного рабочего колхоза. Он ипхити и немалый раздал. И если теперь партиа бресте жок: «На барнирм!» — комсомольцы все, как один, пойдут в бой!»

ЦВЕТЫ

4 сентября 1932 г. в Москве кипилице молодых людской демонстрации проходила на Соцетской площади. С постановлением Обкома Свободы, с подписанием Глав Моссовета, со всех камынных уступов площади демонстранты приветствовали живые цветы. Среди сотен плакатов один рисовал на победях московского комсомола — на фоне зеленой степи: «Молодежь — это будущее Москвы». 60 процентов цветочных насаждений 1932 г. сделаны руками комсомольцев. Поляны в цехах, клубы во дворах рабочих домов, новые бульвары с цветной газонной травой — вот что боялись и будут бороться московский комсомол, реализуя указания т. Корсаева на VII всесоюзной конференции.

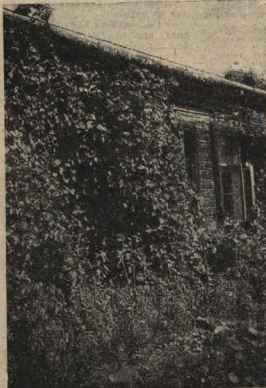
Культура жить, производить и работать — в этом лозунге выражены главные задачи борьбы за озеленение наших жилищ, за внедрение цветов в повседневную жизнь миллионов!

Комсомолец выступает эстраде с букетом в этой борьбе.

Я знаю — город будет,
Я знаю — сады цветут,
(Кавказский)

Груда каменного угля у стены и законченная труба придают продолговатому кирпичному зданию заводский вид. А внутри — глубокая тишина лесной зароси, слышно падает грибок в жарко. И как будто — детство, дед и забавлял в запутанную глупую по грибы. Становись, дружище Карвинский. Посмотри — нежные и гордые лотосы. Годуны над тяжелой зеленой мутью бассейна, они проливают наскрежу нам прозрачные острия аспестов.

— Лотос, — тихо повторяет Карвинский. Этот рабочий крепил действительно переживает. Он стоит, невольно пригнувшись к краю окрашенного бассейна, и не сводит глаз с голубых египетских цветов, горшочки, как спиртные лампы. Кто бы мог подумать, что этот парень, который шесть лет продержался в подполье, истощив сил в польской тюрьме, потом перелазил границу, получив на прощание пулю в спину, теперь будет любоваться экзотическими растениями в оранжерее Ботанического сада?

Дмурский виноград вскарабкался на стену

...Молодеватые георгиев в разноцветных шапочках

Этот милый кроткий парень со сложенным атлетом, писавший стихи в вонючей камере Дукашеского, любил солнечный свет и по-детски улыбался при виде бабочки, неуклюже, с расправленными крыльшками переползающей диск цветка.

Поступив в Москву на машиностроительный завод и получив комнату в новом доме на Мадых Кочках, Карвинский попал в число жактовского актива. С соседом-латышом, полюбившим мастером, толке страстным любителем цветов, он затеял озеленение пустынного двора Гоизана его, строительного небурный мусор, в котором копошилась детвора огромного здания, возмущая обоим, Карвинский и старик Будилт спроектировал несколько скроекых камушек, два-три гавана, опрятную дорожку, посыпанную желтым песком.

Латыши любил порядок во всем. Из ящика комода была извлечена древняя, сурчужного цвета, гладкая рулетка. С доверчивостью заправского портного Будилт измерил широкую коричневую грудь двора. Длинная желтая лента выложилась за стариком, когда он перешел с одного конца двора на другой, сопроводившей Карвинским и галчешей детской толпой. Площадь будущих цветочных насаждений была учтена с точностью до одного сантиметра. Оставалось выбрать подходящие сорта.

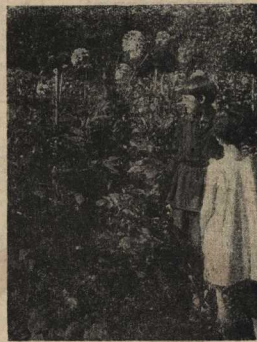
Пятистрочная заметка о выставке цветов привнес Карвинского на 1-ю Междускую, в Ботанический сад.

Политэмигрант неуклюже, виновато проталкивался сквозь толпу, переполнившую жаркую сентябрьскую оранжерею. Цветы, которые нипочем не раскрывали от сгущенного запаха девушек, то торжественно демонстрацией, то влох неба из торшеров окна, стояли в стандартных сосудах. Тут было много георгиев — этих красноречивых лотосов цветочного царства, не требующих к себе ни особенного внимания, ни ухода. Ни они затмевали всех богатством своих колесов и немой музыкой своих полутонов и переходов. Флоксы мерцали в сосудах, отвлеченно соревнуясь с георгиевыми и тлю дыши заскочили преследующий ароматом. Среди них выделялся один — с неуловимым тлеющим оттенком. Этот флокс назывался «Сирень», он был изобретен Емельяном Ярославским. Карвинский радостно охнул, услышав эту фамилию.

Дальше было необыкновенное цветущее растение, кисти которого казались вылезшими из сверкающего зернистого снега... «Гидранса Паинякуто» — так называлось это растение, известное в Москву с Дальнего Востока одним военным товарищем. Необыкновенные цветы «Гидранса Паинякуто» могут расти у нас. А другое из высокорастущих, почти неизв-

ных растений — «Лаконес» — совмещало в себе прелесть ярких цветов и темной декоративной зелени с эффективностью технического вида. Его плоды можно использовать для подкраски пищевых продуктов.

Карвинский на глазах превращался в «еще тотого энтузиаста». Ему повидобилось пере-

Здесь могли прятаться дед

писать названия всех выставленных цветов и адреса любителей-цветоводов: железнодорожников Чуринина и Цилинского, разводчиков у платформы «Пионерская» цыганками, и галчухой интуистки цветочных насаждений — ученицы Хохловой, живущей где-то в Сокольниках. Да, эта Хохлова была достойна первой премии — великшелеп был ее георгиев «Лобедатель» чистейшего красного цвета!

Мы вышли из оранжереи. На площадке стояли, построенные в ряды, молодеватые георгиев в разноцветных шапочках. Выше всех подымалось «Солнце Ирины». Тоненькая девочка, став на носки, пригнала к себе крепкую шаршавую шею горделивого цветка. Это был истощивший лес из деревьев, и в нем могли прятаться дед.

— Знаешь, недь в так представлял социализм, — сказала польский комсомолец. Его ря-

Социализм не отбрасывает цветов.

Великий Гейне напрасно боялся, что эти смрачные иконоборцы — коммунисты растопчут цветы. Навык собирать розы на склонах швейцарских Альп, а старый большевик Смыдкович председательствует в Обществе друзей зеленых насаждений.

Цветы воспеты классиками и мастерами воспроизведены на тысячах полотен. Но поэтический восторг во ржи, воспевавший гуляющего дворянина, был ненавистен крестьянину, снимающему скудный урожай с засоренного участка. Ни один уважавший себя буржуазный дом не обходился без цветочных клумб с астрами и пионами, а невзыскательная пуанцовая герань, которой украшали свои подоконники деревянные окрания, была закатываемая, как «мещанский». Так складывалась своеобразная социология цветов.

Мы берем этот дар природы целиком, без всяких «классовых подразделений» и амнигируем цветы, которые заслужили особешую любовь у эстетствовавших буржуа.

В старом обществе цветы хотя и способны были производить экономические потрясения (стольбнячная лихорадка), все же являлись достоянием очень тонкого человеческого шпата. Принарядный франт, который спешит на концерт, где поет «кумир», влюбленный купчик, бросающий сумятую ассигнацию за букет потрясающих размеров, — вот буржуазный потребитель цветов. Пролетарий домохозяйствовал геранью и букетом ромашек, собранных на лугу в воскресную прогулку. Мещанский вкус культивировала бумажные цветы — эти жалкие суррогаты с мещадческими хвостиками вместо живых стеблей.

Мы хотим, чтобы цветы вошли в жизнь миллионов.

Чтобы революционный праздник встречать с живым алым цветом в петлице пиджака.

Чтобы зеленые, синие, оранжевые, розовые ливни цветочных насаждений пересекли квартал дворов.

Чтобы политэмигрант Карпинский и мастер Бузлит выполнили свой план и потянули за собой другие дома.

Чтобы этим занялся комсомолец.

Чтобы амурский виноград скабрался на стенах и балконах. Оранжевые, которые доводилось двумя измерениями, представлял такую дичность при нашей еще не изжитой тешотле).

Чтобы армян цветы — этих естественных охотников, — поднимая лепестковые забора и со стеблями-пиками наперевес, дымилась грозной лавиной на туберкулезную бандажу.

Чтобы с балконов и карнизов наших жилищ приветственно улыбались цветы.

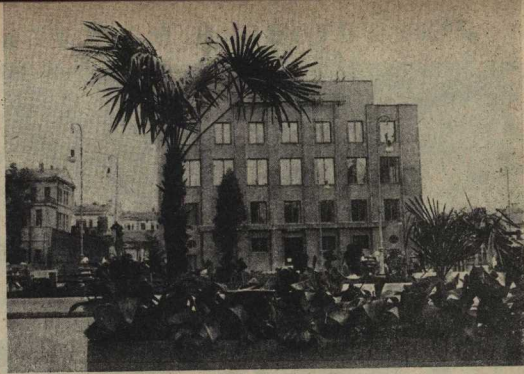
Чтобы они снова встречали нас в щеле.

Чтобы в парках культуры и отдыха появились георгинарии — эти сивощие арки, на которых митингуют все краски земли.

Но цветоводство — сложная область культуры. Здесь особенно нетерпима нерихливность. У нас бывает так, что сотни тысяч цветов не получают воды. На выставке в Ботаническом саду мы видели эти экземпляры: зимы, недоразвитые. Георгина Треста зеленого строительства в этом году утратили в объеме от одного до пяти сантиметров. Нет культуры посевденного ухода. Нет любовного отношения массы к цветам. Еще очень мало таких людей, как молодой рабочий Карпинский и учительница Хохлова.

Здесь нужна исключительная внимательность. Надо например знать, что красивые сорта требуют наибольшей поливки, так как отличаются наибольшей теплоемкостью и сгорают на солнце. Надо знать ряд других элементарных вещей, чтобы сохранить в течение лета и осени цветочную клумбу, суметь выкопать клубни, оберечь их и весной снова посадить.

Этой осенью московская Академия коммунального хозяйства выпускает первую партию инженеров зеленого строительства: планировщиков, цветоводов и агрономов. Това еще совершенно мизерная горстка научно-пропагандистских сил работает на этом участке. В Ботаническом саду одна Мария Павловна Навигина — посевденный Ботаник-энтузиаст, неутомимый организатор цветочных выставок и соревнований — обслуживает любознательного и требовательного посетителя. Рабочая молодая «Брянка», Электровозовка приносит к Марье Павловне свои цветы, героически удерживая в трамвайной толчее. Они требуют,

Пальмы и пурпурные канны, выволакивали площадь Свободы

чтобы их питомцы были тщательно проконсультированы:

— Посмотри в книгу!

И Марья Павловна подносит к глазам пенсис, виснудсе на черном шуррке, и заглядывает в ботанический справочник.

Пурпурные канны — с тяжелыми лапчатыми листьями, на которые пролит огонь денпестков (цветы эти уже пробивали за ограду Ботанического сада и начали завоевывать улицы и площади Москвы).

«Лакониос» и похожий на него по типу мелодносный и каучуконосный «Ластовень».

Надо знать цену этих скромных побед.

У садовника Тимирязевской академии т. Вигордова ушло пять лет, пока он вырастил свои гортезии. Георгин «Победитель» явился бы может сотым сочетанием после девяносто девяти неудачных. То, что кропотливо, с укасающей мелочностью выращивалось в питомниках и оранжереях, теперь получило общественную оценку и гласность.

Результат этих замечательных усилий и терпения пойдат в ту жизнь, где Карпинский и Бузлит, где миллионам людей, жалких до червоточины и радости, где на широких листьях трапы баблест стеклянными бризгами крупная роса утра.

Вот имена победителей цветов, собравших наибольшее количество голозов на цветочной выставке Ботанического сада.

Георгин «Победитель» — работа Хохловой. Цвет союзного флага. Острые строгие контуры денпестков. Миллларды таких георгиин затопят наши парки, дворы, скверы, площади.

Фокс «Сирень» — из цветника т. Ярославского.

Ослепительный гость с Дальнего Востока — «Гидрантея Панакулито».

Многочетные гортезии садовника Вигордова, которые не боятся московских морозов.

..Выше всех поднималась «Солнце Индики»

БУДЕМ ГОТОВЫ К МИРОВОЙ СПАРТАКИАДЕ

Ф у т б о л , в а р л а д к а , в о д н ы й с п о р т , л е г к а я а т л е т и к а

3.000 физкультурников Советского союза и около 100 зарубежных рабочих спортсменов участвовали в закончившейся 1 сентября Всесоюзной спартакиаде ВЦСПС.

43 профсоюза и 7 коллективов-победителей Урало-кузбасской спартакиады продемонстрировали свой высокий спортивный уровень. Выявились лучшие коллективы, лучшие мастера советской физкультуры, прекрасные тренированные и всесторонне развитые бойцы, готовые к труду и обороне.

Всесоюзная спартакиада показала не только индивидуальные достижения, но и новые рекорды. Их было немало. Так например Шаманова (Москва) установила новый рекорд, пробежав дистанцию в 100 метров в 12,5 сек., увеличив свое прежнее время на 0,3 сек., ленинградка Козлов эту же дистанцию пробежала в 11,2 сек., а железнодорожник Ламбо отстал от него всего лишь на 0,1 сек. и т. д.

Спартакиада, являвшаяся общепролетарским праздником, показала также большие успехи в росте физкультурного и его кадров на отдельных передовых фабриках и заводах Совет-

ского союза. И в этом — ее основная заслуга. Общее первенство в первой группе профсоюзов выиграл коллектив физкультурников завода «Красная заря» (Ленинград), премированный знаменем ВЦСПС и денежной наградой. На втором месте в этой группе оказался ленинградский завод им. Сталина, которому присвоено звание коллектива им. Всесоюзной спартакиады. Во второй группе профсоюзов первенство выиграл сборный коллектив физкультурников союза мукомолов (Москва), премированный знаменем аustralianских рабочих. В третьей группе оказались физкультурники союза «Гигант» и в четвертой — физкультурники «СКИГ».

Но спартакиада показала и ряд недостатков, в частности недостаточно удовлетворительные результаты по стрельбе, отсутствие техники военизированного бег и т. д.

В основном успешные итоги спартакиады должны послужить лучшим залогом к упорной и плодотворной учебе и подготовке наших физкультурников к мировой спартакиаде, стартом к которой она явилась.

Г о т о в я т с о в е т с к и е

Ф и з к у л ь т у р н и к о в к т р у д у и о б о р о н е

Отв. редактор В. Вельмин. Зав. ред. Я. Черник. Оформление В. Брискина. Издательство ЦК ВКП(б), «Правда», сектор «Ломоносовская правда».

Сдана в набор 29/IX, подписана к печати 2/X—52 г., 2 бум. листа.

Изд. М 911

166.948 п. л. в бум. л.

Упомянуты в Главлита № В—80228

Типография газ. «Правда», Москва, улица им. Горького, 48.

Заказ № 1996

Тираж 40.000